

2

Для Семьи

РУВЕРНАНТКА ЕГО СИЯТЕЛЬНОСТИ

Дия Сёмина

Гувернантка его сиятельства

Серия «Барышни попаданки», книга 2

<https://litres.ru/74066274>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сбежав от бывшего, оказались с дочкой в царской России. Теперь я гувернантка опального юного князя и единственная, кто может его защитить, но в придачу к мальчику, внезапно получила и настойчивого дядю.

— Артемий моя семья, я не собираюсь отправлять мальчика в школу, с его-то способностями. Допустим, я сниму вам дом. Буду каждый день навещать. И вот при таком режиме, как думаете, какая-то девица из знатных согласится выйти за меня замуж?

— Ам

— Вот именно, Анна Ивановна. Осознайте и повзрослейте, забудьте сказки о Золушках. Вы единственная женщина, полностью отвечающая всем моим требованиям и мечтам. Да я о вас мечтаю. Но мечты эти самые серьёзные! Мне пора жениться, и кроме вас я не вижу ни одной достойной девицы, способной стать матерью моему племяннику. Вопрос решённый. И прошу вас, более к этой теме не возвращаться, не называть себя гувернанткой, особенно в приличном обществе.

В этом мире всё решает мужчина?
Вот ведь командир нашёлся
2-я книга серии "Барышни попаданки".

Содержание

Глава 1. Неудачный побег от бывшего	5
Глава 2. Это не музей?	19
Глава 3. Князь-затворник	29
Глава 4. «Фрекен Бок»	38
Глава 5. Нас раскрыли!	51
Глава 6. Договор с князем	59
Глава 7. Фиаско фрау Христины	68
Глава 8. Загнанный в угол	78
Глава 9. Маленький принц	91
Глава 10. Намылилась, называется...	99
Глава 11. Графу придётся уступить	109
Глава 12. Тревожная неопределённость	119
Глава 13. Маленький прекрасный монстр	129
Глава 14. Доказательства	138
Глава 15. Канделябр	148
Гл	158
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Гувернантка его сиятельства

Глава 1. Неудачный побег от бывшего

— Ань, а это не твой бывший? — Люда повернулась ко мне от своей кассы и пальцем показала куда смотреть. А я не смотреть хочу, а спрятаться, сбежать, чтобы не встречаться с врагом на моей территории. Он ведь специально на работу пришёл, чтобы устроить скандал и окончательно разрушить нашу с дочкой жизнь.

Даже голову не подняла, сделала вид, что не расслышала, но Людмила толкнула меня в бок и снова показала, куда смотреть:

— Вон у полок с детскими игрушками, вернуться собрались? Поздравляю, красавчик он у тебя, я бы не выпендривалась, простила, да и Верочке отец нужен!

— Люда, сделай милость, не лезь туда, куда не зовут! Это не человек, а монстр-разрушитель жизни. Хочешь оказаться в такой же дыре, как я, пожалуйста, бери его и посмотрю через год, что от тебя останется! — процедила сквозь зубы и потеряла драгоценные секунды, могла бы закрыть кассу, и

сбежать, но не успела.

— Анютка! Как я соскучился, вот Веронике мишку купил, сейчас в садик проеду, подарю ей и заберу дочурку в Питер! — он говорит эти слова с такой «приятной» улыбкой, от которой у меня кровь стынет в жилах.

— Ты не посмеешь, бросил нас, и теперь не лезь! Тут не место для разговоров, уходи, и не смей показываться у детского сада! Иначе я за себя не ручаюсь! — отвечаю, едва сдерживаясь от грубости, чтобы не показаться ненормальной. Рома вполне может записывать этот разговор, у него всегда есть чем проехаться по мне. Может, в суд решил подать на опеку над Верой, чтобы не платить алименты.

Под любопытствующими взглядами покупателей и Люды, поспешно закрываю кассу, собираясь сбежать в комнату отдыха.

— Ещё как посмею! Если сейчас не выйдешь на наше место на лестнице, то дочь больше не увидишь! — подразнил меня медведем и оплатил покупку наличными на кассе Людмилы. А уж она, дурында, ему улыбается.

Через три минуты мне пришлось выйти на лестницу, так хотелось ему сделать что-то такое, за что меня бы потом по судам затаскали, но не успела.

— Анька, у меня проблема! Дело с корешом поднимали, бизнес был стопудовый! Но на бабки попали! Короче, нам с тобой надо три ляма к вечеру. На своей кассе возьмёшь,

принесёшь в кафе, знаешь наше старое место, и тогда верну дочь! Советую не рыпаться! Люди серьёзные, не я, так они нашу Веру заберут! — бывший вдавил меня в угол, прекрасно знаю, эти его трюки, и снова попалась, отталкиваю от себя, и, как ни странно, Роман сделал шаг назад. Но это не уступка, мы никогда не уступаем друг другу, кто уступил — тот проиграл, это его правила, и я вынуждена по ним жить последние два года.

— Ты debil, она твоя дочь, а ты её в залог? У нас касса с терминалом, денег и ста тысяч не набирается за день, это тебе для общего сведения, и я ни при каких обстоятельствах не сделаю этой тупой глупости. Откуда ты слов-то таких нахватался, кем ты вообще стал за эти два года. Ребёнком меня шантажируешь! Я сейчас же позвоню в полицию!

— И что скажешь? Ещё ничего не произошло, если бы я тебя избил, даже в этом случае меня бы выпустили. Не глупи, мне нужны деньги, а этот мишка сейчас поедет к дочке. Я её в любом случае забираю! Долг-то не на мне, глупышка! — он ехидно улыбнулся, прорычал мерзкие угрозы и толкнул меня, показывая, что не шутит.

— Ты не посмеешь!

— Уже посмел, у меня нет выхода, а ты нищелюдина, касирша вся в долгах по самые уши, я из дыры вырвусь, а ты уже никогда, таким как ты — женщинам без амбиций нельзя доверять детей! В суде достаточно показать твою кредитную историю! — крикнул, уже спускаясь по ступеням, обернулся

и снова подразнил меня мишкой.

— У меня нет кредитов, кроме ипотеки, и я с ней справляюсь! На жизнь хватает, в отличие от тебя, ни работы, ни ума! — о кредитах я не поняла, к чему это он клонит, сейчас больше всего боюсь за дочь, надо как-то успеть и предупредить, чтобы никому кроме меня Вику не отдавали.

У отца есть право на свидание с дочерью, и в детском саду его знают, а я не смогу опередить его.

Начало так трясти, что телефон чуть не выпал из руки, с трудом вошла в чат нашей группы и там написала воспитателям предупреждение, чтобы не отдавали Веру отцу, потому что он хочет её похитить.

Но этого мало, надо что же делать, сейчас сон-час, мне до конца смены ещё очень долго.

Пытаюсь успокоить себя, что это бытовая ссора, ничего страшного, такие угрозы и раньше случались, он вообще на всю голову авантюрист. Скорее всего, никаких долгов и нет, просто решил срубить с меня денег, припугнув дочкой, урод моральный, ничего святого не осталось в человеке. Удивляет, что первые два года нашей жизни казался вполне нормальным, а потом подсел на страсть к богатой жизни.

— За что мне такое наказание! — цежу сквозь зубы и возвращаюсь в торговый зал.

Телефон пиликнул, думала, что это ответ из чата. Но нет, читаю сообщение и не верю своим глазам.

Даже не поняла с первого раза, я что, должник? Долг пе-

ред микрофинансовой организацией? Три миллиона с учётом комиссии и процентов?

Меня качнуло, перед глазами все поплыло. И следом СМС от бывшего: «Это не шутки, Аня, надо заплатить! Долг уже просрочен, так что делай, то, что я сказал!»

Первая мысль, надо собрать дочь и отвезти её в другой город, тихое место, какое муж и его подельники точно не знают, двоюродная тётя давно звала нас в гости. Если Вероничка будет в безопасности, то и я смогу спокойно доказать, что стала жертвой мошенников, и это не мой долг.

— Девочки, у меня катастрофа, надо уехать из города! — и пока не столкнулась со старшим продавцом, сбежала из супермаркета через разгрузочный терминал. На такси домчалась до детского сада, опередила Романа всего на несколько минут! Забрала дочь и снова в такси:

— Автовокзал, пожалуйста! — выдыхаю, радуясь, что успела сбежать, обнимаю дочку и вдруг слышим удар по багажнику.

— Анька, стой! Если не я, то они тебя достанут! Стой ***! — прокричал вслед, и таксист как-то так умело газанул, въехал в лужицу и окатил Рому грязью.

— Не люблю, когда так себя ведут с женщинами и детьми!

— Спасибо вам! Через полчаса наш автобус, было бы чудесно успеть.

— Постараюсь!

Таксист и правда, очень старался, но мы опоздали. Следу-

ющий автобус через четыре часа, или с пересадкой.

— Мамочка, а почему мы уезжаем? Папа снова что-то сделал плохое?

— Да, что-то сделал, а отвечать мне. Поэтому я тебя спрячу у тёти Вали и заберу телефон, куплю новый, чтобы никто не знал, где ты, только со мной можно будет созваниваться. Хорошо?

— А у нас утренник, и я песенку выучила, как же они без меня? — Вероника, сидит рядом и грустно качает ножкой, а у меня внутри всё кипит от злости на бывшего, как можно быть таким ненормальным, чтобы вот так разрушить наши жизни снова. Мало того что я ушла из школы, живу на подселении у подруги, работаю за троих, чтобы оплачивать ипотеку на малюсенькую квартиру, какую всё равно приходится сдавать, чтобы хоть немного гасить долг. Но ему и этого показалось мало.

— Мамочка, а вон папа! — дочь вздрогнула, приподнялась и замерла. Рома вошёл в автовокзал и ищет нас. А у меня сработал инстинкт, схватила Веру на руки и побежала на выход. Автобусов немного, больших и вовсе нет. Залетаем в ближайший, и за нами закрывается дверь.

В окно увидела Рому, но он опоздал, автобус вырулил на проспект, и мы вздохнули с облегчением.

Заплатили водителю, сели на свободные места и поехали, куда везут. К счастью, маршрут продолжительный, и через несколько часов будет город с железнодорожной станцией, там пересядем на электричку и спокойно поедем к тёте Ва-

ле. Всё так быстро произошло, что я её и предупредить не успела. Но лучше позвоню позже, чтобы не пугать.

Просёлочная дорога не позволяет автобусу ехать быстро. На каждом перекрёстке тормозим, в каждой деревне остановки, люди входят, выходят. Я в этом районе и не была никогда. Начало темнеть, на душе так погано, что хоть вой. А вида показывать нельзя, не хочу пугать мою девочку.

— Мам, а когда остановка? Я в туалет хочу! — прошептала Верочка и грустно вздохнула. Мы устали, ещё и голодные. Я не успела даже водички купить.

Автобус уже пустой, все вышли на последней остановке, а нам на следующей.

— Простите, а как долго до вокзала? Дочь в туалет хочет.

— Сейчас будет остановка, там есть деревянный туалет, покажу, а до города ещё долго...

Мы остановились у типичной кирпичной остановки, даже фонаря нет, вокруг ни единого дома, только свороток в какую-то деревеньку, водитель показал, куда нам пройти.

— Там небольшая парковка для отдыха и туалеты, вон, видите? Я вас подожду, но не задерживайтесь! И так опаздываю.

— Вера поспешим, здесь грязь, осторожнее, вот так, дай тебе телефоном посвечу, ох ну и запах!

— Страшно! Здесь волков нет? — шепчет дочь.

— Надеюсь, что нет. Вот тебе салфетка, вытри ручки, пока я схожу. Только ради бога, никуда не отходи.

— Я пошевелиться боюсь, мамочка.

Мы сделали свои неотложные дела, бегом вернулись на остановку и замерли в ужасе, автобуса нет! Мгновенно стемнело, и остановка тоже пропала. Показалось, что даже воздух стал другим, холоднее и изо рта пар.

— Вика, мы не на ту дорогу вышли, надо было вон туда, это же перекрёсток! — держу дочь за руку, оглядываюсь и вижу, что вместо остановки на другой стороне дороги какой-то сарай.

— Так, главное — не паниковать! Сейчас посмотрим геолокацию, и в худшем варианте, вызову такси из городка, заплатим пару тысяч. Не бойся. Всё не так ужасно...

Снова включаю телефон, связи нет, навигатор не работает, мы в какой-то богом забытой дыре.

— Мам, мне страшно!

— Сейчас кто-то проедет мимо, автобус, может, машина, и подберёт нас, — пытаюсь успокоить дочь, а заодно и себя, но с трудом верю, что в такой поздний час хоть кто-то проедет.

Оглядываюсь и с ужасом замечаю, что дорога тоже изменилась:

— А где асфальт? — дорога просёлочная, асфальт растворился. Умом понимаю, что всё, что сейчас происходит — какой-то сюрреализм и мне это всё мерещится. Очнёмся и окажется, что мы спим в автобусе. Но душа начинает паниковать, держу дочь за ручку, ещё раз осматриваюсь по сто-

ронам и кажется, что ночь нас взяла в заложники. А чтобы уж совсем запугать, ещё и дождь начал моросить.

— Мамочка, мне очень страшно. Вон там огонёк, это же не глаз страшного волка?

— Где огонёк? — я ничего не вижу, в глазах словно пелена от усталости, но Верочка настойчиво показывает пальчиком куда-то в сторону от дороги.

— Это деревня или дом. Придётся идти и проситься на ночлег. Чуть-чуть потерпи.

Пока шли по мокрой от дождя дороге, какими только словами я себя не называла за глупость. Вот стоило так рисковать, срываться? Нужно было идти в полицию, писать заявление, поступить как-то по-взрослому.

Однако прекрасно понимаю, что против Ромы никакие взрослые шаги не сработают, не сегодня, так завтра он бы выкрал дочь и начал бы меня шантажировать. На тренингах по богатой жизни ему мозг выключили, зомбировали, и он ни перед чем не остановится. Это не первый раз, я уже лишилась машины, украшений, лишилась любимой работы. Осталась одна дочь...

Дождь смывает слёзы, беру Веронику на руки и спешу на огонёк, моля, чтобы его не потушили, иначе мы заблудимся, о перспективах остаться ночью под дождём на улице, я даже боюсь думать.

— Верочка! Мы дошли, о господи, дошли! Ого, это какой-то музейный комплекс, надеюсь, у них есть места для

постояльцев! — показалось, что мы спасены. Перед нами из-за небольшой дубовой аллеи открылся величественный вид на богатый особняк.

Перекрестилась и постучала в высокие белые двери. И ещё раз, и ещё!

— Слышу, слышу! Кого в такой час привело в наше за-холустье? Сейчас! Ох, конюх-то спит, колоколами не разбудить! Да кто вы? — из-за двери слышим ворчливый голос пожилой женщины, и она явное не спешит открывать, ждёт, когда мы назовёмся.

— Я Анна, мы с дочкой отстали от автобуса, заблудились, умоляю, пустите переночевать. Девочка совсем малышка.

Засовы звякнули, дверь со скрипом открылась и нас впустили в дом. Стоило глазам привыкнуть к мерцающему свету керосинки, как мой рот сам собой открылся от удивления. Перед нами пожилая дама в странном наряде: платье, шаль и чепец XIX века. Мы словно попали в историческую реконструкцию.

— Гувернантка, значит? Граф предупреждал, что вы приедете, но в такой поздний час приличные люди не путешествуют, особенно с детьми. Ну, добрались, и ладно. Князь почивать изволит, так что сегодня переночуете, завтра представитесь, если его сиятельство вас не примет, то и поедете с богом восвояси. Ой, а грязи-то! Разувайтесь, хоть здесь, что ли, обувь оставляйте. Гувернантка, а манерам не обучена.

Я даже возразить ничего не могу: граф, князь, гувернант-

ка?

Хорошо, пусть будет так, наверное, это новая форма развлечения туристов. Деньги у меня есть, надеюсь, за театральщину с меня не возьмут втридорога. Сейчас главное, получить тёплую постель и хоть какой-то ужин.

Дорогие друзья, добро пожаловать в историю Анны и Вероники. Вторая книга из цикла «Барышни попаданки» книги связаны между собой персонажами, но читать можно отдельно.

Ваши лайки, чтение и комментарии добавляют творческой энергии, спасибо, что выбрали эту историю!

Глава 2. Это не музей?

— Вам, сударыня, ужин подать? — женщина приподняла лампу и осветила. Наша обувь и вообще внешний вид на неё, кажется, производит такое же впечатление, какое и она производит на нас. Мы, как две цивилизации, столкнувшиеся в одной точке, пытаемся разойтись, чтобы не разрушить свои привычные устои. Но получается с трудом. Я цепляюсь за мысль об исторической реконструкции, а она приняла нас за городских эмансипе.

— Да, мы очень устали и проголодались, от развилки пришлось идти.

— А не удивительно, эти извозчики вконец обнаглели, который раз высаживают и уезжают, здесь всего-то три четверти версты до поместья, так нет. Им это долго, даже малышку не пожалели! Нет нашего старого князя, некому порядки наводить! — посетовала старушка и проводила нас на второй этаж по скрипучей лестнице.

— Вот комната, тут и одежда есть, от горничных осталась, всё чистое, багажа-то у вас тоже не имеется или на крыльце оставили?

— Багажа нет, мы налегке, надолго не задержимся и вас всего на одну ночь потревожим, — я прошептала, разглядывая простенькую комнатку, пока хозяйка зажигает свечи, расставленные на внушительном комод.

У нас действительно из вещей только забавный рюкзак дочери и моя большая сумка, с какой хожу на работу, в ней и продукты домой привожу, купленные по купонам и со скидками.

— Это вас граф предупредил, что наш князь диковатый, и ни с кем не желает разговаривать? Третья гувернантка на Благовещение сбежала. Но так или иначе, представиться надо, меня зовут Федора Тихоновна, я тут экономкой последние двадцать лет служу. Видать скоро моей службе конец.

— Очень приятно. Анна Ивановна, а это моя дочь — Вероника. Мы проездом, заблудились. Спасибо за гостеприимство.

Федора Тихоновна быстро показала, где лежат вещи, куда в туалет можно ночью ходить, и пообещала вернуться через четверть часа с ужином.

Стоило хозяйке выйти, мы поспешили переодеваться, но прежде я присела перед дочкой и прошептала:

— Милая, это всё игра, как в кино, тут актёры для туристов играют роли, словно мы попали в прошлое, в фильмы про принцесс. Старайся много не говорить, и про нас ничего не рассказывать. Я очень боюсь, что твой отец отберёт тебя у меня. От одной этой мысли плохо становится, я никогда не оставлю и не отдам тебя никому и никому не позволю тебя обидеть! Понимаешь, милая моя, любимая девочка?

— Да, мамочка, но мне грустно! Я так ждала от папы что-

то хорошее...

Я не выдержала, обняла дочь, её слова как ножом по сердцу резанули, она всё ещё надеется на его порядочность и любовь, а он подлец...

— Он связался с очень плохими людьми, и крайней оказалась я. Поэтому мы с тобой сбежали, и никому не говорим о себе правды. Оставлю тебя у тёти Вали на неделю, ей нужно помочь с кошкой, а сама найму адвокатов и докажу, что я ни в чём не виновата. Веришь мне, доченька? — про адвокатов, это я лишнего сказала, но уставшая дочь ничего и не поняла.

— Да, мамочка. Но ничего плохого не произойдёт?

— Нет! Ничего плохого не произойдёт! Пусть папа Рома сам решит свои проблемы, хотя бы раз в жизни поступит, как взрослый. Всё будет хорошо, обещаю! А сейчас давай снимем мокрую одежду. Так что тут у нас, платья для принцесс?

В широких полках комода чего только нет, как лавка старьевщика. Но всё чистое. Однако запах тут странный, вроде и плесенью не пахнет, но кажется, что попала на нашу старую дачу. Запах шерсти, сухой травы, свечей, сушёных яблок. От этих новых ощущений мурашки по спине пробежали. Предчувствие ли это или страх и усталость? Не в том я положении, чтобы сейчас анализировать, пытаюсь абстрагироваться и делать то, что нужно сделать прямо сейчас, переодеть дочь и себя в сухое и чистое. Но ощущение, что реальность поглощает полумраком комнат, пропитывает нас своими запахами, даже скрип ступеней по лестнице с каждой минутой

всё сильнее давит на психику.

Ощуцаю себя кем-то оторванным от своей привычной среды обитания, и животная паника нет-нет и накрывает, чтобы не пугать дочь, ускоряю процесс переодевания:

— Смотри, тут есть красивая рубашка, сделаем из неё платье для тебя, пот так, поднимай ручки. А теперь лентой подвяжем и закатаем рукава. Нравится?

— Да, как принцесса. А ты вот это надень, тоже с узорами!

— Это кружева! Отличный выбор, ты права, с удовольствием надену это платье.

Через несколько минут, мы с дочкой переоблачились в местную одежду, и Федора Тихоновна вошла с подносом.

— Чем богаты! Девоньке стакан тёплого молока и блинчики с малиновым вареньем, вам тоже блины и сметана, варёное яйцо, чай с молоком. Вот тут оставляю, после заберу, не волнуйтесь.

Она пронесла поднос с едой на маленький столик и обернулась, чтобы оценить наши наряды. Мой образ её вполне устроил, а вот рубашка на Веронике ей не понравилась.

— В доме много детской одежды, рассветёт, достану. Спать и в рубахе можно, но днём, юная барышня должна выглядеть как барышня. Князю не понравится ваша фривольная рубаха. Или сейчас уж сходить, всё равно не спится, а вы ешьте, ешьте, простынет всё.

Последние слова экономка произнесла себе под нос, ещё раз окинула нас взглядом, потом комнату, посчитав, что сде-

лала и без того достаточно для полных гостей, вышла, прикрыв за собой дверь.

— Скорее ужинать. Проголодалась, моя маленькая принцесса! Мы даже водички не успели купить, побег, как в фильмах получился, спонтанный и с приключениями, надеюсь, что ужасы – это не про нас.

— Мама, а князь, это кто? Это как принц? — дочь меня вдруг выдернула из воспоминаний о дневном злосудии, о побеге. Вера, словно уже приняла правила местной игры и заставляет меня задуматься о них, её больше волнуют принцессы и князья. А я не могу настроиться на здесь и сейчас, в голове как заевшая пластинка: «Рома, юристы, долг, лекторы», смотрю и не понимаю о чём она. — Мам, князь — это кто?

Вероника настойчиво повторила вопрос и заставила меня, наконец, задуматься: а при чём тут вообще князь? И как это странное слово связано с нами.

— Князь, это кто-то очень важный, как президент или министр, я устала, не могу пока тебе объяснить, потому что сама не понимаю. Утром нам дадут брошюру и проведут экскурсию, всё расскажут и покажут.

— А я могу себя называть принцессой? — Верочка с жадностью голодного ребёнка жуёт блинчик и запивает тёплым молоком.

— Конечно, можешь! Ты и есть принцесса, только заколдованная! Вкусно? — дочь кивнула, и я тоже пробую наш ужин. Боже, это не сметана, это густые сливки, а какой вкус от чая с молоком. Тут магазинными продуктами и не пахнет. Вся еда деревенская или фермерская. Самая настоящая. В нашем супермаркете таких вкусов никогда не отыскать.

— Очень вкусно!

Мы всё съели, поднос оставила на комод, прополоскали зубы и быстрее легли спать.

Постель тоже оказалась деревенской. Только села на перину и провалилась, она поглотила, окутала своей нежностью, сверху тёплое одеяло, а уж про перьевые подушки вообще молчу.

Стоило нам с доченькой обняться, закрыть глаза и в следующую секунду провалились в сон. Последний раз я вот так

засыпала у бабули в деревне, на такой же перине и под таким же одеялом.

Проснулись мы тоже под громкие деревенские звуки. Задорный крик петухов заставил вздрогнуть, очнуться и испугаться. Не сразу сообразила, где мы, что с нами произошло, всю ночь снился Рома и его подельники, показалось, что они нас нашли.

Открываю глаза, осматриваюсь и замечаю, что дверь в комнату приоткрыта, и за нами кто-то наблюдает. Стоило мне сесть в постели, как дверь захлопнулась.

Глава 3. Князь-затворник

Стоило двери захлопнуться, и я пулей встала, осмотрелась. Поднос с посудой уже кто-то унёс, а на креслице лежат детские вещи. Ожидаемо, что стиль такой же, как и всё в этом доме. Романтичное платье с парой пышных подъюбников, передник, панталончики и чулочки, пальтишко, приличное, но в двух местах безжалостная моль приложила свои зубы к шерстяному драпу.

У порога заметила очищенные от грязи наши ботинки, а у кровати стоят тряпочные тапочки, похожие на чешки, в каких дочь занимается в танцевальной студии.

Наверное, и в комнату никто не заглядывал, это Федора Тихоновна обувь принесла. Надо бы привести себя в порядок, расчесать волосы. Нашла в сумке расчёску и резинки, сделала себе высокий хвост, а из него закрутила шишку, второй резинкой зафиксировала. Теперь моя причёска соответствует романтическому образу.

Сейчас, наверное, за нами придут экскурсоводы и предложат развлекательную программу. Стоило подумать об этом, как с ужасом вспоминаю, что у меня из бумажных денег только пять тысяч, а остальные на счете. Если интернета нет, то я и в приложение не войду и не перекину на карту деньги. И тратить мне не хочется, и без того финансовая дыра выкачивает все силы. Мне сейчас только на развлечения и

осталось спустить кучу денег.

Едва сдерживая раздражение на непредвиденные обстоятельства, проверяю телефон и понимаю, что всё ещё ужаснее, он разрядился. И маленький телефончик дочери тоже потух, словно из них выкачали всю энергию.

Осматриваю стены в поисках розетки и не нахожу ни одной. В комнате вообще нет ни единого предмета, хоть сколько-нибудь напоминающего о нашем мире. Нет, предметы-то есть, но это всё то, что мы принесли с собой.

Снова страх пробежал по телу неприятной волной тревоги.

— Прямо «Шоу Трумана», — шепчу себе под нос и вспоминаю одну заметку соцсетях, что какие-то богатенькие родители устроили для своих детей «детокс-пансионат», чтобы лечить современные зависимости от телефона, компьютерных игр и телевизора. Как вариант, и это можно допустить.

Однако ненавижу придумывать объяснения и оправдания, сейчас спустимся с дочкой, честно признаюсь, что денег нет, попрошу пояснить, как нам добраться до города с железнодорожной станцией, и пока не стемнело, поспешим на электричку.

Преисполненная решимости, подбираю по размеру наряд для дочери, пусть хоть немного почувствует себя настоящей принцессой и начинаю её будить.

— Вероника, проснись, надо примерить наряд принцессы. Магия слова «ПРИНЦЕССА» сработала мгновенно.

— Доброе утро, мамочка. Мне тут очень нравится, а это мне? Новое платье? Я принцесса? — уже разглядела «обновки», и в свойственной себе манере задала несколько вопросов сразу.

— Не такие и новые, но чистые, красивые, видно, что дорогие, хотя и поношенные. Но выбирать не приходится, что дали, то и наденем.

Вера никогда в жизни так быстро не одевалась. При этом успевала рассматривать каждый предмет гардероба, и с восхищением констатировать, что именно так и представляя себе настоящие платья принцесс, а не те, что в магазинах продают для утренников.

Не прошло и пятнадцати минут, как мы уже причёсанные, умытые, очень осторожно, чтобы не скрипеть по ступеням, спустились в просторный холл.

А с кухни уже доносится приятный аромат, кто-то печёт хлеб.

— Проснулись, барышни-сударыни! Доброе утро! Извольте завтракать, вот в этой маленькой столовой накроем для вас. Но перед этим хочу попросить вас об одолжении: отнесите поднос с завтраком его сиятельству, на второй этаж, по другую сторону от лестницы вторая дверь. Заодно и познакомьтесь, если он не примет вас, то мне останется только вздыхать и ждать самого графа.

— Кхм! Князю? — как-то очень нерешительно шепчу и переглядываюсь с дочерью.

— Да, конечно. А кому же? Артемию Петровичу завтрак. Он уже встал, и, возможно, читает. Никогда не выходит из комнаты, потому и завтраки, обеды и ужины туда приходится подавать.

У меня какое-то неприятное предчувствие в сознании тюкнуло, как молоточек по нервам, это не пансионат, это психушка? Или у князя аутизм?

— Простите, прошу вас не оскорбляться, но я обязана задать вопрос из-за безопасности дочери. А князь здоров, он не душевнобольной?

Федора печально улыбнулась. Кажется, до неё начало до-

ходить, что я не та, за кого меня принимают, и действительно вообще не понимаю, что происходит.

— Жаль, что вы не гувернантка!

— Я учительница по образованию. Но пришлось работать продавщицей, чтобы содержать дочь, после развода. Прошу вас простить меня за неэтичные вопросы, но я действительно волнуюсь за ребёнка. И мы к вам попали случайно, у меня даже нет достаточно средства, чтобы оплатить вам за ночлег, еду и экскурсии по поместью.

Федора Тихоновна смотрит на меня как на ожившую статую. Но её самообладанию можно позавидовать. Выпрямилась, на секунду задумалась, ещё раз окинула нас взглядом и решилась:

— Тогда в любом случае прошу, отнесите поднос. Князю полезно видеть новые лица. И нет, он не сумасшедший. Что-то ужасное произошло с его семьёй на Кавказе, все погибли, а Артемий Петрович замолчал. До злосчастной поездки он был весьма жизнерадостным ребёнком. Теперь это мальчик с разбитым сердцем. Он никому не доверяет, и скажу я вам, правильно делает. Его все предали. Но более ничего не могу сказать, сама толком и не знаю. Так отнесёте или мне самой?

Моё материнское сердце сжалось от боли, если у мальчика такая ужасная трагедия, почему его заперли на высылках и не пытаются как-то помочь? Почему-то я ощутила, что это не юноша, а мальчик, возможно, чуть постарше Вероники.

— Это самое малое, что я могу для вас сделать за доброту

и приют, конечно, отнесём. Но как нам правильно себя вести? — я вдруг перешла на заговорщицкий шёпот.

— Как обычно, просто представьте, что он здоров, но немой. Поздороваться, извиниться и поставить на столик еду.

— Хорошо, конечно, давайте поднос, мы с Вероникой отнесём, — белу поднос и очень осторожно несу в комнату на втором этаже.

Подозреваю, что Артемий уже знает о нашем присутствии, — это он заглядывал в спальню. Осторожно беру поднос и следом за дочерью иду наверх.

Вероника деликатно постучала в дверь и, не дождавшись ответа, открыла. Осторожно входим и замираем, эта комната разительно отличается от нашей. Она очень богато обставлена, словно музей и царит здесь идеальный порядок, только бирочек не хватает на каждом экспонате. Из-за двери я не сразу заметила худенького мальчика, почти подростка, он стоит, вытянувшись у окна, с книгой в руке и смотрит на нас с изумлением.

— Здравствуй! А ты, правда, князь? Самый настоящий? А князь — это принц? — дочь с порога не стерпела и задавала самые бесцеремонные вопросы. Пришлось прицыкнуть на неё. Но Вероника даже не смутилась, она поглощена изучением нового пространства.

— Привет, это завтрак, Федора Тихоновна просила принести, я поставлю тут?

Как и советовала экономка, говорю тихо, ответ не жду, ставлю поднос на столик, собираюсь выйти из комнаты, и утащить за собой дочь, а то она уже с обожанием смотрит на мальчика, и я её понимаю. Очень красивый ребёнок, лет, наверное, восемь или девять. Худенький, светленький, а какие у него выразительные черты лица. Он смутился, на щеках проступил румянец, не знает, как от нас избавиться?

— Приятного аппетита, кушай на здоровье! — выдала наставления Верочка и улыбнулась.

— Благодарю вас, сударыня! — едва слышно ответил юный князь, и, кажется, сам испугался своего голоса.

— Мамочка, он говорит! Давай его позовём завтракать с нами, он такой красивый, его же не наказали, сидеть тут в одиночестве? — прошептала наивная воспитанница подготовительной группы детского сада «Солнышко». Не успеваю ответить, как моя дочь, подошла, взяла юношу за руку и повела мимо меня вниз, продолжая задавать глупые вопросы, кто же такой на самом деле князь, и если она принцесса, то князь — это принц?

Мой рот открылся от глубочайшего удивления, Артемий безропотно проследовал за Верой вниз, хватаю поднос и за ними. По громкому восклицанию Федоры Тихоновны понимаю, вот прямо сейчас произошло что-то совершенно необычайное.

Глава 4. «Фрекен Бок»

— Артемий Петрович, эту милую сударыню зовут Анна Ивановна, а молоденькую барышню – Вероника, они, к сожалению, у нас проездом. Заблудились, сбились с пути и хотят в скором времени уехать в город.

Очень учтиво, Федора Тихоновна представила нас юному князю и окончательно сломала мой мозг. До этой секунды я всё ещё верила, что это музей, пансионат, игра, но прямо сейчас всё вокруг и обстановка, и люди, и их манера общаться, и даже наши наряды отчётливо врезаются в сознание безжалостной правдой – это реальность!

Мы заблудились не в каком-то месте, мы заблудились в параллельных вселенных, или во времени?

ИЛИ!

Вот сейчас у меня даже руки вспотели, незаметно зажимаю в кулаки мягкую ткань юбки и дышу, потому что готова скатиться в паническую атаку.

Вдруг ярко представилось, что мы уснули в автобусе, случилась авария, мы с доченькой погибли и попали в какой-то импровизированный вариант рая или ада.

— Анна Ивановна, что с вами? Садитесь, голубушка, побледнела, губы посинели, чаю скорее хлебните! — теперь очень ласково обратилась ко мне экономка, а я лишь смотрю, как дети уселись за стол, и моя заводила дочь взяла шефство

над стеснительным мальчиком, кроме них ничего не вижу.

Сажусь за стол, делаю глоток чая, физически ощущаю, как он согревает изнутри. Голосок дочери вернул меня в «настоящее», она спросила, есть ли здесь лошадки, а юный князь кивнул.

Машинально намазываю масло на кусочки хлеба, подвигаю тарелочки с тёплой, разваренной кашей Тёме и Вере, всё пытаюсь найти хоть бы какой знак, намёк, что это нереально.

Увы, все мои усилия терпят фиаско, наше новое окружение – реально. И моя дочь реальная, она нисколько не изменилась, и я реальная, даже мои ногти с довольно ярким розовым маникюром тоже реальные. Мы живые!

Но из этой ситуации нужно как-то выбираться.

— Простите, мы действительно заблудились, а как называется ближайший город?

— Так Петербург, если вы о большом городе. Вокруг-то всё больше царские поместья да сады. До Луги, Тосно и Новгорода сами понимаете, путь не такой близкий, до Тихвина и того дальше, по бездорожью-то.

— Санкт-Петербург? — зачем-то переспрашиваю.

— Нет! Странная вы, Петербург, столица царства Российского. Вы, как с неба свалились! — прошептала Федора Тихоновна и осеклась. Позволила себе лишнего в присутствии князя.

— Да, похоже на то. Мы свалились с неба. Это от усталости, но...

Хотела было спросить, как добраться до столицы, но тоже осеклась на полуслове.

Куда?

С малышкой на руках, без денег, без связей и знакомых, я вообще не представляю, что происходит вокруг? Где-то далеко, за стенами этого особняка кипит жизнь, о которой я и представления не имею. И хуже всего, у меня даже документов нет, я в этой реальности – пустое место.

Продолжаю есть молча, наблюдая, как завтракают дети и самое важное, Тёма с удовольствием доедает кашу, он даже улыбнулся, наблюдая, как быстро Вероника уплетает свой завтрак. Да уж, манеры у детей как небо и земля. Надо бы приучить дочку есть медленнее и с уважением к еде, а не «кто быстрее увидит дно тарелки».

Федора Тихоновна с обожанием наблюдает за Артёмом, вытерла слезинку и отвернулась, делая вид, что забыла подать джем для блинчиков.

— Мама, а мы гулять пойдём? Артёма тоже возьмём с собой? — новая порция вопросов от Вероники, застала нас врасплох, она уже всё съела и сидит «ждёт», развлекая нас вопросами. А я даже не знаю, можно ли мальчику выходить, вопросительно смотрю на экономку, а она на меня. Кажется, дальше порога в этом доме педагогическая мысль не распространялась.

— Я думаю, что гулять очень полезно, если нет дождя и земля подсохла, то, конечно, нужно прогуляться.

— Артём покажет мне лошадок! — мальчик ещё ничего не сказал, но, видимо, у них какая-то ментальная связь работает и без слов понимают друг друга.

— Только не подходите близко к животным, даже к птицам, петухи могут больно клюнуть. Я, пожалуй, с вами выйду подышать и подумать о нашем непростом будущем, — произношу сокровенное вслух, потому что подумать, действительно есть о чём.

После завтрака молодая служанка забрала со стола приборы, и мы поспешили собираться на прогулку. Дети уже поднялись в свои комнаты, а меня внезапно удержала за руку Федора Тихоновна.

— Умоляю, останьтесь! Он год плохо ест, плохо спит, на улицу не выходит, никого не признаёт и не доверяет. Мы извелись, угасает, а ведь был таким хорошим ребёнком, добрым, светлым. Ваша девочка совершила чудо, подозреваю, что у вас какие-то проблемы, останьтесь, пока поместье не продано, до конца лета точно проживёте спокойно. И граф Чернышёв, дядя Артемия Петровича очень хорошо платит, не обидит вас деньгами-то.

— Мне неудобно, я же свалилась к вам как снег на голову.

— Почему? Нельзя так говорить, это проведение, вас нам послал бог, остальное пока неважно.

— Кажется, нам с Вероникой идти некуда, пока найдём родственников или работу. Простите, я сейчас несколько в замешательстве, с трудом осознаю происходящее, словно попала в другой мир. Надеюсь, что вы меня понимаете правильно.

— Да как не понять, всякое у нас бывает. Так вы остаё-

тесь? — она смотрит с такой мольбой во взгляде, словно это ей негде жить, а не мне.

— Конечно, остаюсь, похоже, что нам идти некуда! Но я поспешу, оденусь, надо присмотреть за детьми. Вероника обожает животных, боюсь, что заберётся на какую-то лошадь, с неё станется устроить цирк.

— Спасибо вам! Я напишу графу, что у нас появилась новая гувернантка, вот увидите, всё наладится.

Она тепло пожала мою руку и поспешила по своим делам. А я скорее собираться на улицу, прогулка сейчас мне самой важнее всего, хочу подышать и подумать.

Вероника, как опытный детсадовский ребёнок собралась мигом, надела пальтишко, какое нам принесли утром, и свою яркую вязаную шапку, ботиночки и шарфик.

Я тоже переобулась, надела своё пальто и шаль из комода. Порадовалась, что вчера ранним утром выбрала на работу не современную куртку, а это романтичное длинное пальто с поясом.

Князя пришлось ждать.

— Артём, ты скоро? — через дверь спросила Вероника и пару раз, стукнув для приличия, вошла.

— Да, я готов, сударыни, простите, что заставил вас ждать!

Боже, он же маленький, лет девять от роду, но сколько в нём утончённой изысканности. Манеры держать себя, одеваться, и даже прямая спина и взгляд. Это не мальчик, он

действительно князь.

— Ничего страшного, мы просто привыкли жить, торопясь, наверное, скоро научимся степенности. Покажи нам поместье, сделай милость, — пытаюсь говорить хоть немного в тон местным традициям. Достоевского бы перечитать, чтобы освежить в памяти быт и нравы этого общества. С другой стороны, вот она реальность, можно смотреть и учиться, только времени нет.

Веронику не волнуют условности, она взяла за руку своего рыцаря и повела вниз, надо было видеть, с каким достоинством эта милая парочка спускалась по ступеням. Вот кому точно на пользу пойдёт общение с юным князем, так это моей доченьке, она заводит, активистка, всегда спешит, ей всё интересно. Но манеры хромают, она даже ест быстрее-быст-

рей, а уж про всё остальное и говорить не приходится. Её только танцевальная студия научила слушать партнёров и подстраиваться под коллектив.

Сейчас юный Артемий для неё великолепный пример поведения. Не перестаю любоваться мальчиком. Неспешно вышли на улицу и вдохнули весенний воздух.

— Как хорошо! Куда пойдём? — спрашиваю маленького хозяина, и он лишь показал направление.

Поместье оказалось огромным. Бывала в Петергофе и в Царском селе, там, конечно, масштабы грандиозные, но тут тоже ничего себе усадьба. Сад слегка запущен, есть фонтан и пруд, дальше цветник. Травка уже пробивается, где-то под раскидистыми ивами показались подснежники, но мы не рискнули сойти с тропинок, посыпанных мелкой мраморной крошкой. После ночного дождя ещё сыро, и кое-где виден снег. Но солнышко согревает, ветра нет, а какой чудесный воздух.

Осматриваю двухэтажный широкий особняк, обычный загородный дом дворянства, мы в подобных бывали, но как экскурсанты, а сейчас совсем другое дело. Однако замечаю, что дом уставший, нуждается в ремонте, там-тут сколы, где-то фасад потемнел, но дом каменный, добротный, если к нему проложить хозяйскую руку...

Вспоминаю слова экономки, про продажу к осени и вздыхаю, жаль мальчика, лишится своего родового гнезда.

Дети ушли немного вперёд, а я ещё раз осмотрелась, прямо очень внимательно осмотрелась, хоть бы какой столб и провода заметить – НИ-ЧЕ-ГО, чтобы напоминало о нашей цивилизации!

Хотела предложить прогуляться по шикарной аллее, что ведёт к поместью, но дочь утянула нас на задний двор. Тут и лошадки, и большой курятник, и под навесом стоит шикарная карета.

— Мама, смотри, это королевская? Для принцесс? — Вероника от восторга чуть не задохнулась. Наконец, увидела истинный символ всех принцесс — настоящую карету.

— Княжеская! У Царей кареты больше и с золотыми украшениями, — спокойно ответил Артемий, открыл дверцу и помог своей даме подняться по ступенькам.

— Мамочка, я уже люблю это место! Как было бы чудесно прокатиться в настоящей карете! — удивительно, для малышки шести лет от роду, она слишком хорошо разбирается в предметах, и платье настоящее, и карета, а что в нашей реальности — новодел, это она тоже понимает. Только вот одного не понимает, что надо быть осторожнее. Покрутилась в карете и прыгнула, минуя все ступеньки, не задумываясь о высоте. Пришлось ловить её в полёте, но в этом она вся. И меня постоянно тревожит, эта её безбашенность, очень напоминает папу Рому.

— Позже, если нам позволят. Пойдём посмотреть лошадок, не спеши, непоседа!

Мы исследовали поместье больше часа, я даже заволновалась, что неугасаемый энтузиазм Вероники наскучит Артемию, но он стойко выдержал все её вопросы и просьбы. Мы втроём ещё раз посидели в карете, и мне удалось уговорить

дочь вернуться в дом. Хотя немного позаниматься, раз я гувернантка, значит, пора отрабатывать свой хлеб.

Повернули по дорожке к парадному крыльцу, Артемий замер, и мы за ним. Перед особняком стоит тёмная карета, не самая богатая, но явно городская.

Я подумала, что это тот самый загадочный граф.

Только утоптала в себе утреннюю панику, так теперь новая доза адреналина взбодрила до дрожи.

Уже сердце от волнения затрепыхалось, сейчас мне только допроса с пристрастием не хватало.

Мы тихо вошли в дом и очень удивились громогласному возгласу:

— Мне обещали одного дитя, а тут двое? Так дело не пойдёт! Подойдите ко мне, ваше сиятельство! Хочу познакомиться с вами поближе! И вы, юная барышня, представьтесь! — с широкой кушетки навстречу поднялась внушительная «фрекен Бок», опираясь на трость, сделала несколько шагов и угрожающе нависла над нами, в ожидании полного подчинения её воле. Во второй её руке застыл увесистый свёрток газет, довольно опасное орудие, надеюсь, она не считает нас кем-то вроде мух.

Но шутками в этой ситуации и не пахнет! Кажется, приехала настоящая гувернантка, и нам с Вероникой сейчас покажут, где выход.

Глава 5. Нас раскрыли!

— Сударыня, не имею чести быть представленным лично и весьма сожалею, что вам пришлось проделать непростой путь из столицы в поместье. Но место гувернантки в моём доме занято с этого утра госпожой Анной Ивановной. Юная барышня, Вероника Романовна, с этого дня моя наперсница и компаньонка в обучении и развлечениях. Ещё раз прошу извинить. С дороги вам подадут чай и проводят! — голос юного князя и, главное, смысл его слов, резко остудил пыл деятельной дамы.

Я с трудом закрыла рот, но теперь смотрю на князя с неподдельным восторгом, после невероятно утончённой, изысканной формы отказа, у меня ни малейшего сомнения не осталось, что Артемий Петрович истинный князь. И когда он узнал отчество Вероники?

Показалось, что инцидент исчерпан, но нет, неприятный голос настоящей гувернантки заставил нас остановиться. Её лицо перекосило от гнева, и голос сделался кислотно-ядовитым, кажется, у всех в этом зале скулы свело, но просто бежать нельзя, пришлось слушать:

— Мне оплатили приличный задаток, я не собираюсь его возвращать! Так дело не пойдёт! Я остаюсь! — перемолов в себе первый шок после отказа, «фрекен Бок» снова пошла в атаку, не понимая, что перед ней ребёнок.

Набираю побольше воздуха, пытаюсь не выдать в своей речи торговое прошлое, мило улыбаюсь и вступаю в баталию за место. Оно мне тоже необходимо, но сначала отсылаю детей, им такое слушать ни к чему.

— Милые мои! Вопрос о деньгах не должны осквернять детские уши, идите в свои комнаты и переоденьтесь к чаю. Потом начнём занятия.

Дважды детей просить не пришлось, но чинно и с достоинством Артемий взял за руку испуганную Веронику и молча повёл её наверх. Замечаю в дверях очень сердитую Федору Тихоновну, похоже, у неё стычка с «гувернанткой» уже случилась и прошла не совсем успешно, немудрено, такой габуице противостоять трудно, но мне придётся.

— Госпожа, жаль, что вас не успели известить, князь вполне доходчиво объяснил ситуацию, поэтому прошу похорошему, покиньте дом. Проблема не сколько педагогическая, а скорее психологическая, князь выбрал не меня, а мою дочь, ему тяжело, одиноко и грустно. Вероника его развлекает, им вдвоём весело. Так что, сожалею, но вам придётся отступить. А про финансы, это вопрос не к нам, когда вернётесь в город, решите эту проблему с графом. Всего хорошего! Не смею задерживать! — боже, так волнуюсь, у самой уши горят, но я вроде справилась и не опозорилась, выговаривая неудачливой конкурентке.

— Я этого так не оставлю! — она швырнула пачку газет, скрученных в рулон на диванчик, подняла свой саквояж и прошла мимо меня, однако вернулась, нависла как балкон над тротуаром и прорычала. — Чему может научить князя смазливая, незамужняя шлюшка, тебе лет-то двадцать и такая большая дочь? Ой, дамочка, я про тебя всё выясню, и через неделю ноги твоей не будет, вернёшься на панель. Граф завтра же узнает о самозванке...

— А тебя, как я вижу, с панели-то списали? Я вот даже не знаю, что это такое, а ты, судя по всему, отлично имеешь представление, подрабатывала в ночную смену? — всё же продавщица во мне взяла верх над учительницей. Мне вообще надоело, что мою молодость, как грех торкают в лицо подобные люди, постоянно слышу, что родила в пятнадцать, и в такие моменты себя сдерживаю с трудом.

Я лишь худенькая, миниатюрная женщина, и мне двадцать семь, но об этом этой тётке знать не обязательно.

А вот граф приехать может, и тогда просто так я уже не решу свои проблемы. Дверь с такой силой захлопнулась, что у входа потухли свечи и зазвенела люстра. Спешу за детьми, но у диванчика торможу, судя по всему, разъярённой фрекен Бок газеты не нужны, а мне они жизненно необходимы. Хоть бы понять, что в этом мире происходит, где я вообще, и что нас с дочкой может ожидать.

— Лихо вы! Я не справилась с этой агрессоршей! Хри-

стина Леопольдовна, тьфу! И где граф только берёт таких гримз! Все как на подбор! — проворчала Федора Тихоновна, и выглянула в окно, убедиться, что карета увезла оскорблённую немку восвояси.

— Да, иногда приходится и грубить, хоть и стыдно за это дело ужасно. А если серьёзно, подозреваю, что молодые или востребованные гувернантки предпочитают места в столице, здесь для них развлечений нет.

— А вы что предпочитаете? — экономка повернулась ко мне и внимательно смотрит, её тоже насторожила фраза о моём возрасте и взрослой дочери?

— Покой и понять, что сейчас происходит. Я несколько потеряна!

Не успеваю договорить, как Федора Тихоновна подошла и, понизив голос, прошептала:

— Месяц назад было в газетах нашумевшее дело, до нас-то мало такие сплетни доходят. Но доходят. Одного дворянина при загадочных обстоятельствах убили в Ревеле (Таллин), говорят, за карточные долги. И его молоденькая жена, чтобы не попасть в долговую отработку сбежала. За информацию о ней и ребёнке обещали вознаграждение.

Она говорит и так внимательно смотрит на меня, как детектор лжи, ждёт, что у меня дёрнет нерв и я себя выдам. Я и выдала, вздрогнула и поджала губы, в этом мире тоже есть какая-то несчастная женщина, вдова, за которой охотятся местные коллекторы из-за мудака мужа.

— Не могу ничего ответить по этому поводу, но скажу лишь, что дочь родилась в законном браке и я вдова.

— Так и думала. Но это дело случилось в Ливонском княжестве, к нам отношения-то не имеет. Так чай вам подать? — он с таким облегчением выдохнула, что даже мне вдруг стало легче дышать.

— Будьте любезны, дети потратили много сил на прогулке, им нужно подкрепиться. А потом проведём небольшое занятие. С вашего позволения пойду к себе.

В комнате дочери не оказалось, кажется, она решила, что слово «наперсница» дало ей право безраздельно властвовать над юным князем.

Но меня сейчас не это волнует. Скорее разворачиваю первую газету и вижу дату 23 апреля 2023 года. Петербургский Вестник.

Я была готова увидеть что угодно, принять, и как-то увязать с реальностью. Но увязывать нечего. Моя реальность осталась где-то за развилкой. Автобус нас не дождался, водитель, возможно, обошёл всю стоянку, но не нашёл и уехал. Может быть, и сообщил, что мать с ребёнком пропала, но нас никто не найдёт.

Нас не спасут, потому что произошло что-то запредельно непонятное, фантастическое. И мне надо было поменьше верить в мистику.

Сейчас читать газеты нет ни сил, ни желания, быстрее прячу их под перину, поправляю причёску и решила взгля-

нужно, что есть из запретного в рюкзаке дочери, нам тут выживать. Поэтому все «подозрительные предметы», какие могут нас выдать, нужно спрятать и уничтожить.

— Телефона нет! О боже, она показала Артемию свой телефон! — паника обдала меня жаром, сейчас вся наша «легенда» разрушится...

Бегу в комнату князя, тихо стучу, вхожу и вижу эту сладкую парочку, сидящими на диване, и экран телефона каким-то немислимым образом светится...

Единственное, что смогла прошептать:

— Я всё объясню!

Глава 6. Договор с князем

Дочь замерла, мигом сообразила, что сделала великую глупость. Нет бы несколькими минутами раньше постичь момент истины, что не стоит брать телефон без разрешения. Я тоже хороша, надо было всё подозрительное сразу спрятать. Стою теперь перед мальчиком и пытаюсь что-то придумать, но совершенно ничего в голову не приходит.

Это катастрофа!

— Госпожа, что требовала предоставить место, уехала? — вдруг переспросил Артемий, словно вопрос о телефоне его вообще не волнует.

— Да, но теперь мне кажется, что это ошибка. Мы здесь незаконно! И ваш родственник этого поступка не одобрит, — у меня вдруг вспомнились учительские навыки, когда вслух произносишь материал, а в голове в этот момент прокручиваешь и анализируешь ситуацию в классе, чтобы не упустить нить детского внимания. Вот и сейчас говорю одно, и судорожно продолжаю придумывать оправдание.

Но юный князь словно не замечает моего замешательства.

— Он не одобрит ни единого поступка в данной ситуации.

Ему невозможно угодить, потому что я в опале перед царской семьёй, и мой дядя желает только одного, откреститься от меня, чтобы не запятнать свою репутацию.

— Ты такой юный, но говоришь, словно взрослый мужчи-

на! У тебя тоже есть какой-то секрет? — я вдруг перешла на шёпот, тихо подошла ближе, чтобы не спугнуть хрупкое доверие, и присела на небольшой пуфик, не хочу говорить с детьми сверху вниз. Сейчас время откровенного разговора.

— Вам лучше не знать моих секретов, я не опасен.

В этот момент мои брови поползли вверх от удивления, а затылок почему-то заломило. Давление? Нервы сдают, третьи сутки в шоковом состоянии, я как пружина, натянутая до предела, и вот-вот сорвусь. И он ещё говорит, что не опасен!

— Не понимаю, а разве ты, милый, очень красивый мальчик, можешь быть опасным? — не выдержала и потёрла виски пальцами.

— Могу! Но вам лучше не знать. В доме вообще никто обо мне ничего не знает! Точнее, знают, но предпочитают молчать, словно ничего не происходит. Им за это платят!

Теперь он говорит тише, а я окончательно запуталась и испугалась. Попахивает психиатрией...

— Ты, дорогой Артём, говоришь загадками и пугаешь меня.

— Я лишь даю вам шанс понять, что я тоже имею секреты, как и вы. Если вы заметите за мной нечто необычное, то будете хранить мою тайну также, как я собираюсь хранить вашу тайну! — вот это он прижал меня к стенке.

— Пф! — выдыхаю, сцепляю пальцы в замок, смотрю на виноватое личико Вероники, потом перевожу взгляд на спокойное, прекрасное лицо юного князя. — А какие у нас тай-

ны? Верочка что-то рассказала? Или эта игрушка нас выда-
ла?

Киваю в сторону телефона.

— Вы не из этого мира. Пришлые! Таких, как вы забира-
ют и прячут в застенках или в Тайную канцелярию, так мне
сказал злой господин, один из тех, кто возвращал меня до-
мой с Кавказа. Я ещё молод и не знаю всех подробностей, но,
уверяю вас, открытие вашего секрета ни к чему хорошему
не приведёт. Я такое уже испытал на себе, и вам не желаю
подобной участи, — сказал и так посмотрел на мою дочь, что
меня передёрнуло, страх за неё неприятно прошёлся по на-
тянутым струнам нервишек.

В его словах есть истина. Понимаю, что никому не нужны
такие «шпионы» из другого мира, вдруг мы владеем техно-
логиями или заразные, например, ковид, или ещё что-то.

Всё, я не сдержалась.

Вскакиваю с пуфика и мерею шагами просторную, бога-
тую комнату, как зверь в зоопарке, выхода нет. И вот только
этот мальчик понимает всё про меня, но сможет ли помочь?

— А ведь ты уже нам помогаешь, не так ли? — замираю
и шепчу ему.

— Именно! Помогаю, и мне с вами очень интересно. Так
мы заключим наш тайный договор? — он отдал испуганной
Веронике телефон и встал.

— Но можно подробнее суть нашего сговора?

— Федора Тимофеевна вам сказала о какой-то несчастной

женщине, вдове из Ревеля, что её искали кредиторы мужа. Мне это знакомо, я тоже жертва безжалостных кредиторов покойного отца. Это невероятно тягостно, отвечать за чужие грехи или ошибки потому, хочу помочь. Подозреваю, что та женщина уехала в Европу, она спряталась, а вы просто воспользуетесь этой ситуацией. Об этой истории несколько дней было много разговоров между слугами. Они вообще любят обсуждать криминальную колонку в еженедельнике, других развлечений нет.

Вундеркинд продолжает сверлить меня взглядом, ему кажется, что всё гениальное – просто. И мне лишь нужно согласиться на эту версию. Ох уж этот максимализм юных гениев.

Однако я вообще не понимаю – зачем?

— А что мне это даст? Новые проблемы?

— Это даст вам способ оправдать своё присутствие в моём поместье. Дядя человек суровый, но не подлец. Он не посмеет отдать мать и дитя за долги, да ещё в недружественное государство. Единственная проблема, я не умею лгать, но ради вас могу пойти на этот скверный шаг.

В голосе Артёма появились нотки, каких раньше не было. Он словно пытается меня же и уговорить.

— А тебе это зачем? В чём суть нашего разговора и потом договора?

— В том, что я никому не доверяю. Дружеские отношения – опаснее откровенной войны. Вы такие же, как я, загнаны в

угол. И очень порядочные, вы любите свою дочь больше всех на свете, такой же была моя мама. Вы единственная, кому я имею надежду доверять. А суть нашего договора в том, что мы поддерживаем друг друга и скрываем тайны.

На миг показалось, что это взрослый мужчина в теле мальчика. Настолько он умен и прозорлив, что даже мне до него далеко. Но спросить не решилась.

— У нас есть слабое звено, Вероника болтлива, если кто-то на неё надавит, она всё расскажет. Я плохая помощница для вас.

Смотрю на дочь, а она крутит головой, переводя взгляд то на меня, то на Тёму.

— Нет, она никому ничего не расскажет, я сам позабочусь об этом, по сути, у нас и нет таких ужасных тайн, а словам девочки не всякий взрослый поверит.

— Я не уверена, что вообще понимаю, что происходит. Но у меня нет выхода, я соглашусь стать вашей гувернанткой и буду поддерживать эту версию о несчастной женщине из Ревеля, хотя даже не знаю, как её имя.

— Анна Иоановна Домье, она русская, а фамилия по мужу, забавное совпадение, не так ли?

— Да уж, обхохочешься, — у меня по спине снова пробежали мурашки. Такое совпадение не может быть случайным, хотя фамилия-то отличается. Но я — это я и тело моё, уж розовые ногти никуда не делись, а надо бы их сточить...

Наши непростые переговоры прервались осторожным

стуком в дверь, служанка сообщила, что чай подан и нас ждут в столовой. Быстро забираю маленький телефончик и дочери, прячу в карман, и мы спускаемся.

— Анна Ивановна, здесь вы в безопасности, думаю, мы уже обо всём договорились и будем добрыми друзьями друг другу. Хочу услышать от вас лишь короткое: «Да!», если вы согласны.

— Да! У меня, похоже, и выбора нет! Спасибо Вам за доверие, — протягиваю руку и получаю крепкое рукопожатие.

— На людях вы можете обращаться ко мне Ваше сиятельство, — произнёс мальчик без доли высокомерия, просто как данность, с которой я должна смириться.

— Слушаюсь, ваше сиятельство! — субординация расставила всё на свои места. Он не мальчик, а князь. Его с рождения так воспитывали. Но у меня действительно нет иного выхода, а вот какие он скрывает тайны? Я об этом даже знать не хочу. Но есть о чём задуматься!

Глава 7. Фиаско фрау Христины

Христина Леопольдовна покинула усадьбу князей Вяземских настолько стремительно, что не успела осознать произошедшего. Гневливый характер и привычка с порога требовать от учеников полнейшего подчинения, в этот раз дали осечку. Забылась, что перед ней не обычный ребёнок, а князь?

Проехав в карете несколько минут, остыла и осознала, что это фиаско ей очень дорого обойдётся. Но виновницей своего разочарования назначила дерзкую пигалицу, настолько миленькую, что противно смотреть!

— Выскачка! Это надо, какая пошлая девица, вульгарная! Такие рожают в пятнадцать и потом считают, что знают о воспитании всё! Князь – ребёнок, он ничего не понимает, дядя бы на него надавил, но эта дешёвая девка успела пролезть и занять должность!

Христина Леопольдовна достала кружевной платок, поднесла его к носу, вдохнула терпкий аромат духов и передумала, чтобы не портить красивый, дорогой аксессуар, тут же шумно высморкалась в серую тряпку.

Не поездка, а сплошное расстройство и разочарование. Потом её мысли зацепились за аванс, и его придётся вернуть, не весь, но три четверти точно.

Снова досада. И ведь самое неприятное, что есть ещё по-

средник, один из сенаторов, почтенный господин, учредитель фонда помощи богатым сироткам. Это он вызвал её лично и предложил престижное вакантное место. Не дай бог, он потребует объяснений.

— Некрасиво получилось, но моей вины здесь нет. Иногда обстоятельства складываются не лучшим образом. Да и жить в деревне, кормить летом комаров и оводов не самое приятное занятие. Невелика потеря. Я сделала всё, что от меня зависит, и даже более того. Трясусь вот по ужасной дороге, в страхе получить обострение радикулита.

Вспомнив о неприятной болезни, поморщилась, достала флажку с лекарственным портвейном и согрелась, махнула рукой, словно в карете, кроме неё есть ещё кто-то, что-то проворчала по-немецки и допила остатки.

Неожиданно она даже обрадовалась сложившимся обстоятельствам. Тем более на днях промелькнуло в газетах одно во всех смыслах приятное место. Стать наставницей для дочери отставного генерала, особняк в центре столицы, девица взрослая, и некапризная, вымуштрованная батюшкой. Идеальное место на ближайших четыре года.

— Завтра утром поспешу в дом Ремизовых, только бы никакая ушлая девка-институтка не опередила. С этой поездкой столько времени потеряно. Но, мой опыт и рекомендательные письма сделают своё дело.

Остаток дороги фрау Христина продремала, постоянно стучаясь головой об стену кареты, за такие неудобства она в

праве потребовать половину аванса от графа Чернышёва.

В Петербург вернулись поздно, кучер доставил женщину в меблированные комнаты на Обводном канале, и уехал, даже не помог поднять багаж!

— Ну вот я и дома! Хорошо, что хватило ума не сдать комнаты, хоть есть куда вернуться.

В несколько тучном, неуклюжем теле есть завидное проворство, особенно если речь заходит о простых бытовых делах. Опыт службы экономкой о многом говорит, но то дело хлопотное, ответственное, куда проще стать воспитателем, какие-то азы грамоты преподать воспитанником она может, остальное компенсирует дисциплина.

Быстро поднялась к себе, переоделась, на керосинке согрела чай и после простого ужина легла в холодную постель, пришлось снова согреться «лекарством».

Рано утром фрау Христину разбудил настойчивый стук в дверь.

— Да кто там в такую рань?

— Посыльный! Записка от господина Витте! — тут же ответил немолодой мужской голос, такие люди простые записки не приносят!

Христина вздрогнула всем телом, встрепенулась, пытаясь прогнать остатки хмельного дурмана, в какой провалилась вечером после утомительного путешествия. Накинула халат, и, не снимая с головы ночной чепец, молча забрала конверт.

— Странно, он же отступил от этого дела, и тут столько

чести? Личное сообщение!

Вскрыла письмо и поняла, что ситуация лично для неё складывается катастрофическим образом. Сенатор Витте не знал о вчерашней неудачной поездке, решил, что гувернантка только сегодня отправляется на новое место.

В записке приказ любым способом остаться в поместье, следить за ребёнком неустанно, все необычные проявления характера или поведения записывать на отдельных листах с указанием даты. И через несколько дней к ней приедет специальный человек за первым ОТЧЁТОМ с новыми инструкциями.

Так и написано «отчёт и инструкции!», Христина сглотнула ком, дело уже не кажется таким простым.

В конверте нашлось две внушительные ассигнации, должно быть, этот маленький князь оказался слишком важным наследником, раз о нём так заботятся не только дядя, но и сенаторы.

Не привыкшая долго размышлять, Христина Леопольдовна собралась, взяла простенький экипаж и отправилась к сенатору Витте. Нужно как можно быстрее вернуть ему деньги и развеять недопонимание, и после этого заехать к отставному генералу попросить место, а уже после всех и к самому графу Чернышёву.

Прождав не более получаса в богатом вестибюле особняка барона Витте, фрау Христина прошла за поджарым лакеем в кабинет.

Быстрое приветствие, поклон и неуклюжая попытка объясниться вызвали у сенатора раздражение.

— Простите мою резкость, вы дама немолодая, уважаемая, и я не желаю причинить вам душевные переживания, однако, не понимаю сути инцидента. Поясните доходчивее, без сумбурных сносок на какую-то выскочку.

— О, простите меня, — снова начала Христина Леопольдовна, но глаза от негодования закатили. — Я вчера имела честь встретиться с князем, но встреча прошла коротко и неудачно. Они уже приняли какую-то малолетнюю девку с ребёнком, видимо, родила лет в пятнадцать, и...

— Остановитесь! Вы во второй раз начинаете тот же самый экскурс, а я вас не понимаю. Теперь так, задаю вопрос, вы отвечаете. Хотя, уже и без того понятно, вам отказали, взяли какую-то девушку с ребёнком? И об этом вас уведомил опекун? Граф Чернышёв?

Христине неистово захотелось сделать горячительный глоток чего-то крепенького, и на столике стоит графин, однако разговор не располагает.

— Я именно так всё и сказала, но отказ получила от мальчика! Графа уведомлю позже, возвращаться в эту дыру я не собираюсь! — наконец, подытожила опытная гувернантка, решительно достала конверт с запиской и деньгами. Протянула сенатору, но тот не взял, так и стоит в задумчивости, рассматривая собеседницу.

— Я в вас ошибся! Деньги не интересуют нас. У вас бы-

ла простейшая задача, остаться в поместье и наблюдать за ребёнком. Мало ли какие там ещё постояльцы, пигалицы и девки, вас это не должно волновать. У вас задание! Этот ребёнок важен!

— Но! Должность занята! И я нашла себе другое место...

Барон вскипел, обхватил себя руками, чтобы не дать им волю, и прорычал, подавшись вперёд, желая внушить непонятливой фрау страх и трепет:

— Нас осталось слишком мало в царстве, и вы ведь имеете немецкий паспорт? Я его аннулирую, вышлю вас из России в трёхдневный срок, раз вы не в состоянии послужить своему государству. От вас требовалось совершенно простое дело!

— Я? Мне? Я не присягала на государственную службу. Я простая женщина, вдова, одинокая, сама зарабатываю себе на жизнь. С чего бы мне знать, что на меня возложены какие-то там обязанности.

— Поезжайте к графу, делайте что угодно, но вы должны снова попасть на эту службу!

— И не подумаю! — сама не ожидала от себя подобной дерзости, встала с кресла и вышла, громко хлопнув дверью.

Сенатор, отвечающий за дела иностранных служащих в царстве Российском, вскипел, такой дерзости не позволяя себе даже богатейшие соплеменники, а у этой фурии начисто отсутствует чувство самосохранения?

— Альберт! Сейчас же ко мне! — крикнул барон и в кабинет вбежал секретарь.

— Слушаю!

— Этой мымре аннулировать вид на жительство, чтобы за двое суток у неё закончилось разрешение, какая жалость, что сегодня пятница, в следующий четверг о ней остались лишь неприятные воспоминания. Записал?

— Так точно, что ещё?

— Мне кажется, что у нас есть опасный одарённый, и мои попытки проследить, взять под контроль провалились, причём в третий раз. Он слишком опасный, подозреваю, ты знаешь, что делать, наш долг обезвредить исчадие ада.

Секретарь ответил дежурной фразой, поклонился и вышел исполнять приказы.

Фрау Христина не решилась ехать к графу Чернышёву. Быстро написала письмо о своём провале, в конверт вложила половину задатка и отправила с посыльным.

— Так лучше для всех. Не хочу более выслушивать этих зарвавшихся аристократов, весь мир должен подстроиться под них. Дудки! Христина всегда жила сама по себе!

У генерала ей коротко ответили, что место гувернантки занято в начале недели приняли уважаемую опытную даму. Более лакей ничего не сообщил, даже не позволил войти, сославшись на недомогание госпожи генеральши.

Обескураженная чредой провалов, Христина вернулась домой, не имея никаких идей о своём дальнейшем существовании, решилась сама дать достойное объявление о поиске места, составила, отнесла в бюро, и посчитав, что на сегодня она сделала всё, что от неё зависит, заглянула в небольшое заведение, побаловать себя кружечкой пунша и пирогами.

После приятного обеда и прогулки вдоль канала ей на дом принесли извещение о завершении действия разрешения на жительство, как неблагонадёжной и нежеланной иностранке из недружественной страны. Приказ начинает действовать с первого рабочего понедельника. В среду её не должно быть на территории царства Российского.

Неожиданное известие так потрясло несчастную женщину, что она разрыдалась, выпила для утешения стакан успокоительного Хереса. А когда «лекарство» подействовало, се-

ла за стол писать спасительные письма семьям, в каких удостоилась чести служить.

Особо не уповая на удачу, решилась на отчаянный шаг, купить подложные документы и переехать в провинцию.

Для Европы она слишком обрусевшая, слишком старая, такие резкие перемены не входили в её скромные планы.

Глава 8. Загнанный в угол

Матвей Сергеевич с раннего утра предчувствовал, что его ожидает не самый простой день. Конечно, ведь начался он вот с этого послания:

«Ваш запрос не может быть исполнен, ввиду секретности материалов дела. Единственное, что вы можете, — это ознакомиться со списком требований к вашей семье, и порядком возмещения ущерба, нанесённого государству. Секретарь примет вас в любой удобное время буднего дня».

И всё! Ещё суда не было, и приговор не вынесли, а уже предлагают все отдать!

Граф дважды перечитал послание, проскрипел зубами, но от ярких проявлений гнева воздержался. С такими людьми встречаться желательно с юристом, причём штатским, но знакомым с военным правом.

— Дело семьи сестры обходится мне в огромную сумму, а если подумать о репутации, то и здесь ядовитый флёр выжигает всё живое вокруг, — проворчал, резко поднялся с кресла и подошёл к широкому окну, желая остыть и принять правильное решение.

Есть, о чём в очередной раз подумать, но теперь, видимо, ждать новостей бесполезно и придётся действовать на свой страх и риск. Слишком много нестыковок, а Матвей Сергеевич, к сожалению, не следователь. Да и магией почти не на-

делён, хоть на кофейной гуще гадай, потому что вопросов с каждым днём всё больше и ни единого ответа.

Первая странность: почему вдруг активно взялись в сенате за дело племянника, возможно, князь перед смертью написал письмо с просьбой позаботиться о судьбе Артемия. Но об этом графу Чернышёву ничего не известно. Только записки, рекомендации, предложение нанять подходящую гувернантку от некоего «Фонда помощи сиротам». И после продажи имения, вероятно, пособничество в устройстве сироты в один из кадетских корпусов. В начале осени всё это показалось идеальным вариантом.

Сложись всё таким образом, то графа Чернышёва запятнанная репутация рода князей Вяземских и не коснулась бы. Хорошенько поразмыслив, Матвей Сергеевич принял настойчивую помощь сенатора Витте, основателя того самого фонда, но делу сия благодетель не помогла.

Гувернантки не задерживаются более чем на три дня. Три закрытые школы также прислали отказ принять мальчика, две другие тоже откажутся. А в заведения для простолюдинов, где обучают ремёслам, отдать племянника у дяди не поднимется рука. Это станет вопиющей подлостью. Теперь появилось предчувствие, что Артемия нужно забрать к себе, и, в конце концов, есть же царская семья, пора написать прошение о помиловании, пусть не отца, но хотя бы малолетнего сына.

Но в таком случае в силу вступит другой старый закон, по

которому всех членов семьи обязывают выплачивать долги. А если речь про государственную измену, то здесь разговор короткий, и царский указ не поможет — ссылка в заполярье, служить писарем у местного губернатора, без права на возвращение в столицу. А Тёму, как склонного к тёмной магии — на Соловки, для лечения от нечисти...

Графа передёрнуло от этих ужасных мыслей.

И самое неприятное, что отец Артемия, Пётр Ильич Вяземский тоже был порядочным человеком, всё в его адрес обвинения выглядят абсурдно, однако ничего обратного доказать за этот год не получилось. Графу даже не показали результатов расследования, не назвали причин смерти сестры. Появилось подозрение, что кто-то усердно покрывает настоящего преступника, и это не князя Вяземские.

Матвей Сергеевич вернулся за стол, написал небольшую записку своему адвокату с просьбой назначить время для переговоров с секретарём из Военного министерства, желательно, на следующей неделе. Избегать проблем невозможно, пора принять этот крест и пронести его с честью, маленькая надежда есть, что сироту всё же не посмеют ссылатъ, лишат всего и оставят проживать свой век на тайном попечительстве дяди.

— Прохор Фомич, вот эту записку отнеси в юридическое бюро Лаврентьева, пусть он поспешит с ответом.

— Слушаюсь, Ваше сиятельство. Смею доложить, — у ворот остановилась белая карета, сейчас лакей доложит.

— Карета Марианны? — приметная каретка, беленькая с игривым декором по бокам и шикарной парой белых коней, только у одной модницы Петербурга. Баронессы Марианны Львовны Соловьёвой, одной из первых красавиц на выданье. Её внеурочный визит удивил графа.

— Так точно! Они самые.

— Поспеши встретить со всеми почестями, накройте стол к чаю в голубой столовой, поспеши!

Секретарь поклонился и выбежал исполнять.

Дом ожил. Сама баронесса Соловьёва — невеста графа, шуточное ли дело, встречать такую гостью.

Девушка стремительно вошла в дом, не сняла перчатки, не отдала белоснежное манто, лишь уточнила, где Его сиятельство, и поспешила в кабинет.

Застать жениха врасплох — её любимое занятие.

— Рад вас видеть, дорогая моя! Ещё раннее утро, а вы идеальны. Позвольте ваше манто, может чай? — граф поцеловал руку через перчатку. С трудом понимая, что же заставило не самую пунктуальную девушку, приехать в столь ранний час.

— У меня совершенно нет времени! Ах! Не знаю, как начать этот ужасный разговор! — она вдруг сцепила свои ажурные пальчики в замок и поднесла к подбородку. Показывая всем своим видом, как тяжело ей даётся эта беседа тет-а-тет.

— Для начала присядьте, милая моя, позвольте предложить воды? Что-то ужасное случилось?

— Да! До нас дошли слухи о позоре князей Вяземских. А они ваши ближайшие родственники. Ваша сестра Екатерина Сергеевна, царствие ей небесное, жена покойного Петра Ильича!

Она перечисляет очевидные факты биографии двух семейств, в надежде, что граф сам заметит связь, и сообразит, в чём дело.

— К чему эти перечисления, моя дорогая, семья Вяземских близка мне, но я не являюсь её частью.

Граф присел рядом с невестой, хотел было взять её за руку, но воздержался. Что-то нехорошее сейчас произойдёт, что-то сродни взрыву Везувия.

— Мой отец получил подробные сведения по делу преступления князя, у нас в голове не укладывается, что такое вообще могло произойти с такими-то людьми?

— Это у всех не укладывается в голове и удивлён, что у вас, людей посторонних, вдруг появились эти данные! — в голосе Матвея Сергеевича появились нотки раздражения.

— Мой отец советник, и вхож в Министерство, он был заинтересован в нашем браке. Но теперь крепко задумался, а вчера вообще сделал предположение отказать вам и заставить меня вернуть вам помолвочное кольцо! Если вы возьмёте опеку над мальчиком, то мне придётся разорвать по-

молвку. Ради моих детей, я на такой шаг могу пойти. Стать изгоями общества из-за родственных связей с вором...

— Замолчите! Прямо сейчас остановитесь и впредь не смейте называть князя такими постыдными эпитетами! Суда ещё не было. Расследование не завершено...

Но Марианна поморщилась и продолжила, она не намерена уступать от своей линии требований к жениху:

— Вы наивный! Всё уже решено! Просто ждут удобного момента, когда царская семья уедет на весеннее моление, после Пасхи вашего покойного родственника обвинят во всех грехах.

— У меня только один вопрос, почему вы настолько хорошо осведомлены в этом деле? На вашу семью тоже давят?

— Не знаю! Мне казалось, что об этом уже весь город говорит. Ведь не о самом преступлении идёт речь, а о его последствиях. Откажитесь от мальчика, мой отец нашёл для него закрытый корпус в Нижнем Новгороде, из него сделают мужчину. Есть ещё один вариант, который покажется вам жестоким. Но закрытая элитная школа в Англии, предел мечтаний для любого подростка. А потом достойная военная служба. Он сам покроет ущерб, и вы не запятнаете свою честь!

Услышав «предложение» Матвей Сергеевич окончательно разозлился. Никогда не терпел вмешательств в дела семейные, и теперь требования невесты и её отца перешли все допустимые границы. Но вдруг заговорил холодным, отстра-

нённым тоном.

— Это жестоко, он ещё ребёнок! Я знаю порядки в подобных заведениях! Это исключено! Сенаторы позволили мне урегулировать ситуацию. У него будет гувернантка, он обойдётся без моей официальной опеки. Мы сами уладим свои дела, было бы куда лучше принять действенную помощь в спасении ребёнка, а не подлые требования избавиться от него!

— Я не так умна во всех этих делах, но вот что я решила. Марианна Львовна резко встала, что-то поискала в маленькой сумочке и поставила на столик маленькую бархатную коробочку.

Матвей Сергеевич и без пояснений понял, что происходит:

— Марианна, не делай этого! — простонал на выдохе, не ожидал такого предательства, ведь уже назначен день свадьбы, всё обговорено.

— Простите, граф! Ко мне имеет виды посвататься князь Георг Даддани, у него огромные виноградники, есть имение на юге Франции, вполне подходящая партия для меня, и у него нет проблем! Я понимаю, что вы запутались между любовью ко мне и чувством долга перед мальчиком. Не провожайте. Если решите поддержать просьбу моего отца и отправите ребёнка в закрытое заведение, я лично приеду, и сама заберу это кольцо, попрошу у вас прощение за этот жестокий жест. Но без него вы не сможете решиться! Прощайте!

Она вышла, прошелестев шёлковыми юбками, оставив едва заметный цветочный аромат духов и маленькую бархатную коробочку на столике.

— Жестокий жест? Нет, это беспощадный, убивающий акт насилия! — прошептал граф.

Сел в кресло и просидел в тяжёлых, мрачных размышле-

ниях около часа. И с каждой минутой, всё более осознавая, что Марианна права, он не в состоянии принять решение. Любое из них грозит либо крахом, либо жестокостью.

Если уж невеста отказалась, то все остальные откажутся сразу же...

— Ваше сиятельство. Вам записка от гувернантки.

Граф молча взял конверт, неудачно открыл, и из него высыпались две ассигнации из четырёх, какие он недавно отдавал Христине Леопольдовне в качестве аванса. В письме оказался невнятный бред.

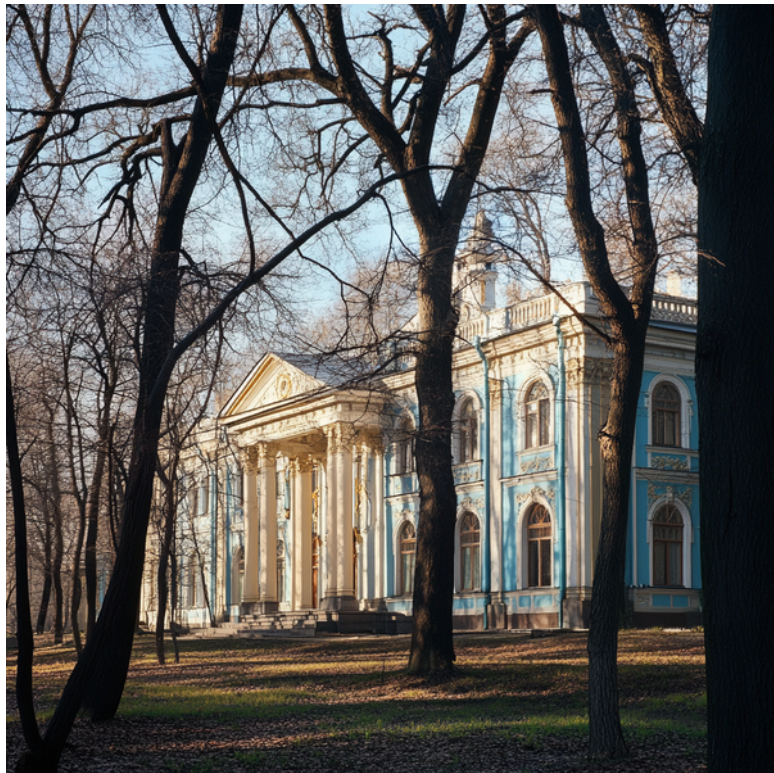
С первого раза невозможно понять, что случилось вчера в поместье.

Прочитал дважды.

— Ничего не понимаю. Её прогнали из поместья, под предлогом того, что там уже есть какая-то пошлая, наглая девица, называющая себя гувернанткой? Но она шалава и мать незаконнорождённой девочки, явно самозванка и...

Из сумбурного письма граф сделал единственный вывод, что завтра придётся самому отправиться в поместье и на месте решить судьбу племянника, заодно посмотреть на эту новую вульгарную самозванку.

— Этого мне ещё не хватало...

Глава 9. Маленький принц

После откровенного разговора с Артемием стало как-то легче. Однако Веронику я очень тихо отчитала за проступок, телефоны забрала и спрятала в комнате на шкафу, туда моя проныра не залезет, даже если очень постарается. Пришлось ещё раз объяснить, что никому нельзя рассказывать ничего о том городе, откуда мы сбежали.

Она лишь вздохнула, кивнула, но поняла ли или нет, это покажет время.

Чтобы отвлечься, решила найти в библиотеке все книги, более или менее подходящие для обучения. Нашлось довольно много учебников, есть очень интересные, свежие, по общей математике, русскому языку, литературе и общественному знанию. И тексты в книгах вполне удобоваримые, без сложных оборотов, какими изобилуют тексты в стиле девятнадцатого века. Настоящие учебники для начальной школы.

Моей дочери эти материалы подошли бы, а вот Артемию Петровичу вряд ли, он производит впечатление начитанного, размышляющего молодого человека.

Вспомнила по памяти некоторые темы физики, геометрии, алгебры. Для изучения русского языка взяли за основу справочник издателя.

Пока мы занимаемся с князем, Вероника рисует, потом Артемий взял книгу и ушёл читать к себе, а я начала зани-

маться с дочкой. Её тоже нужно загружать работой, иначе буйный характер камня на камне не оставит в имении.

Так прошёл весь день, к вечеру перед ужином мы ещё раз вышли на прогулку, теперь уже по моей просьбе прошли по дубовой аллее.

— Мне с вами очень интересно. Вы учительница? — Артемий начал разговор, потому что я теперь уже и не знаю, как с ним общаться вне занятий.

— Да, я учительница, но по профессии очень мало работала. Стыдно об этом говорить. Но ради денег пришлось идти работать в огромный магазин.

— Многие ради денег и работают, но я бы хотел работать по призванию, у вас учение – призвание, мне никто так доступно не объяснял физические законы. Да и уравнения очень занятно было решать. Спасибо, что согласились остаться.

Он так на меня посмотрел, что я вздрогнула. Вот также Вероника смотрела на меня, когда я оставляла её в детском саду и уходила на работу. Этот взгляд всколыхнул во мне ужасное чувство вины. Но Тёма просто тоскует по матери. И эта боль мне так хорошо знакома. Наверное, я её напоминаю...

— Можно мне обнять вас, юный князь! По-дружески, иногда тёплые объятия лучше тысячи слов. Я чувствую ваше одиночество...

— Я уже не так одинок, вы со мной. И мне приятно обнять

вас, но...

Мы говорим как-то недоговаривая, секреты и большие есть.

— Не настаиваю, может, по этикету этого и нельзя делать. Я совершенно не знаю местных порядков.

— Дело не в порядках, скорее, во мне, мне приятно, но нужно привыкнуть. А как себя вести, чтобы не обращать на себя внимание, я вас научу, — он снова посмотрел на меня, но теперь иначе, как-то оценивающе, и как-то всколыхнуло от его взгляда. Появилась навязчивая мысль, что он экстрасенс, или какой-то одарённый шестым чувством, потому и не любит тактильных ощущений, касаний.

Но мы затронули очень важную тему, и я решила поговорить о нас с Вероникой:

— Мы сильно отличаемся от местных? Меня этот вопрос волнует, понимаю, что Веронику с её энтузиазмом в люди вообще опасно выводить.

— Ваши ногти слишком красивые и яркие, ваши манеры довольно простые, вы не держите спину, словно к ней привязана доска, и сидите слегка ссутулившись, быстро едите, много говорите, хотя и по существу, и, конечно, одежда и причёска. А ещё шаг. Местные женщины из высшего общества ходят более коротким шагом. Но всё это можно списать, если вы считаете себя прогрессивной натурой, что не противоречит вашей сущности.

Я замираю посреди аллеи, мой рот открылся в неподдель-

ном удивлении. Это же надо, как он меня, а?

— Да кто ты такой? — простила на выдохе и из моего рта эпично, как в фильмах ужасов вылетел пар, словно маленькое привидение.

— Я тот, кто есть. И поверьте, мне, моя суть доставляет массу проблем. Однако вы задали вопрос, я вам честно ответил. Нам пора в дом, у Вероники замёрзли ручки!

Он взял мою дочь за руку, и та послушно пошла за «Маленьким принцем» в дом. Он реально как Маленький принц Экзюпери. Жаль, в этом мире, наверное, нет этой книги...

Но на ус я себе намотала, и на носу засечки сделала. Всю дорогу тренировалась делать шаг меньше, спину держать ровнее и идти грациознее.

Махнула на это дело рукой, потому что сейчас я выгляжу не просто необычно, а несуразно. Но тренироваться настроилась решительно.

После ужина я прочитала детскую нравоучительную новеллу, мы её несколько минут разбирали, но решили, что лучше читать книги о путешествиях. Пришлось возвращаться в библиотеку на поиски подходящих изданий.

Взяла три подходящих книги с собой, чтобы перед сном пролистать и понять, стоящие ли они, или продолжить поиски. Шагаю очень тихо, стараясь не шуметь в доме, но у лестницы на второй этаж меня поймала Федора Тихоновна, улыбнулась и прошептала:

— Вы замечательно поладили с Артемием, сердце раду-

ется, глядя на него. И Вероника для него, как родная душа. Видели бы мальчика, когда его только привезли, я думала, сердце не выдержит, уж как мы его выхаживали. Телом он поправился, а душа страдала, теперь улыбается, как же это хорошо! Как хорошо! Спасибо вам! Надеюсь, что граф примет эту данность и не решится на протест.

Замираю, потому что сама уже жду, что в любой момент примчится карета, или ещё какое-то транспортное средство, из него выйдет страшный граф и прогонит нас.

— Расскажите мне о нём, в смысле, о графе, стоит ли опасаться? Ведь эта женщина Христина Леопольдовна не оставит просто так это дело, явно нажалуется.

— Да, скорее всего, нажалуется. Место-то хорошее! Но она совершенно невменяемая, подозреваю, что склонна к употреблению горячительных напитков. Нам такая особа в любом случае не подошла бы. Но граф, как вам сказать, мужчина видный, был завидным женихом, но посвятил себя развитию дела, у него много заводов и фабрик, точно и не знаю, мы же не в его ведении, а князей Вяземских. Знаем только самую малость. И, в газетах были заметки о его помолвке с какой-то баронессой. Я надеюсь, что он человек ответственный и благоразумный, хотя и несколько вспыльчивый, слишком требовательный. Так, то свойство всех деловых людей. Не стоит переживать, он ради мальчика вас оставит!

— Напоминает мистера Рочестера. Ладно, надеюсь, что он, действительно, сжалится над мальчиком и позволит мне

остаться.

— Я об этом молюсь! Но дела юного князя плачевны. Посмотрим, что бог даст. Спокойной ночи, сударыня.

— Спокойной ночи!

Я поднялась к себе, завтра нам обещали подготовить баню или ванну, нужно выбрать подходящие вещи из комода. И наконец-то прочитать газеты, вчера вечером я о них забыла. После инцидента с сотовым, я вообще обо всём забыла.

Когда Вероника уснула, я достала газеты и сначала пробежалась по заголовкам.

И меня потрясло всё.

Это определённо другой мир. Дирижабли, двигатели, напоминающие фантастические фильмы стимпанка, и в одной из статей упоминание о магическом преступлении.

Магическом?

Хватаю газету и спешу в комнату князя. Трижды постучала, попросила позволения войти и, как только вошла, протянула ему статью.

— Я поняла, что мы в совершенно другом мире, но это?

— Что? — он сделал вид, что не понимает меня.

— Магия? В этом мире есть магия? Это всё реально? Я не сплю?

— Я думал, что вы уже это заметили? Даже ваше появление в этом мире – следствие проявления магии! — так спокойно, но торжественно объявил Артемий, что я невольно присела на кресло, ватные ноги не держат.

— Нас сюда кто-то затащил? Это твоих рук дело? — не выдержала и надавила на него, а обвинение-то довольно грубое и суровое.

— Вам пока рано понимать, давайте остановимся на привычных физических законах. Сейчас вам лучше пойти к себе и лечь спать. Завтра нас ждёт очень непростой день.

Я всё ещё переполнена негодованием и даже злостью, если он одарённый и спровоцировал наше попадание, то я намерена сейчас же потребовать вернуть нас домой. Но вместо этого послушно встала с кресла, забрала газету и вышла. И больше ничего не помню.

Очнулась утром в своей постели, рядом посапывает дочь и улыбается во сне. Ну хоть кто-то счастлив здесь находиться.

Глава 10. Намылилась, называется...

Утро началось обычно, причесались, умылись, оделись, спустились к завтраку. Артемий Петрович уже за столом. Мне пришлось извиниться за опоздание, пока обсуждать наш вчерашний разговор нет сил. К магии я совершенно не готова.

Молча едим, даже Вероника притихла.

Ситуацию разрядила Федора Тихоновна, сразу после завтрака объявила, что сегодня прачечный день, воду в баки накачали, истопник котлы греет, и по этому поводу можно принять ванны, вместо бани.

— Да, конечно, только поясните, как и где, а то я не знаю, в нашей комнате ванной комнаты нет.

— В господских покоях с той стороны, где комната Его сиятельства. Марфа вам всё покажет. А у меня дел много, надо всё бельё перепроверить. Ох, давно не закупали новое постельное, приходится выкручиваться, что-то штопать. Чем меньше денег — тем больше работы! — посетовала на тяжёлое финансовое положение и поспешила по своим делам.

— Артемий Петрович, в таком случае мы занятия перенесём на вторую половину дня, сейчас займёмся гигиеной, кстати, я умею неплохо стричь, если хотите, то могу вам сде-

лать стильную причёску.

— Да, я был бы не против. У нас ещё есть некоторое время, для этого дела.

Мне пришлось спросить у экономки ножницы, расчёску взяла свою, яркую, пластмассовую, перед князем мне можно, не стесняясь показывать предметы из нашего мира. Он её внимательно рассмотрел, улыбнулся и вернул мне.

Вероника уселась рядом с нами и внимательно наблюдает за процессом, а я осторожно начала свою магию.

Хотела постричь более современно, но вовремя опомнилась, сделала нечто похожее на очень короткий каскад. Учитывая, что его волосы так отрасли, что впору было хвостик делать, то такая удлинённая стрижка ему подойдёт больше. Кроме того, вообще не представляю, как в этом мире выглядят молодые знатные мужчины. Припомнила исторические фильмы и сделала нечто похожее на стиль викторианской эпохи.

Светлые локоны Артемия, почуяв свободу, слегка завились. Не мальчик, а ангелочек. Вот только я его боюсь. После вчерашнего разговора между нами пропало доверие, с моей стороны, так точно.

— Благодарю, вы очень красиво меня подстригли, даже у цирюльника невозможно получить такую стрижку.

— Я могла бы и короче, более стильную сделать причёску, но боюсь, что не угадаю с модными тенденциями этого мира. Позже к лету, если захотите, то вот тут коротко, косой

пробор, увеличиваем затылок и получится очень красиво.

— Вы учились этому ремеслу? — он осмотрел результат моих трудов и улыбнулся.

— Да, за компанию с подругой, но работать не смогла, слишком ответственно и не очень люблю тесный контакт с посторонними людьми. Но если приспичит, то детским мастером стала бы с удовольствием.

Призналась в своём «грехе», не могу сказать, что я брезгливая, но пару раз не смогла постричь взрослых мужчин. Быстро поняла, что это вообще не моё. Уж лучше на кассе товары пикать.

А вообще, уже нашла место в частной школе, пусть не учителем, а воспитателем продлёнки, но это всё равно моё и с детьми. Если бы не ужасное происшествие, то через месяц бы вышла на работу. Вспоминаю об этом и, прикусив губу, чтобы не заплакать от обиды на судьбу, быстро подметаю остриженные волосы.

— Я знаю, что дядя пытается меня пристроить в закрытое учебное заведение. И кто-то из моих врагов настаивает на заграничном пансионате. Если коротко, то это место напоминает тюрьму...

Он говорит таким тоном, словно мы продолжаем обсуждать его причёску. А я вообще не поняла, это он сейчас пытается оправдать свой магический проступок, что выдернул нас в свой мир?

— Ваше сиятельство, уверена, что ваш дядя сделает пра-

вильный выбор для вас, не станет же он поступать с вами жестоко.

— Я лишь хотел вам предложить, поехать со мной, в любой школе нужны такие воспитатели, вас возьмут...

Он недоговорил, голос дрогнул.

Оставляю веник и совочек, и не обращая внимание на наши сложные отношения, без разрешения обнимаю его, целую в макушку и шепчу: «Я вас не оставлю, обещаю, но сделаю только то, что в моих силах, а их немного. Вам лучше основательно поговорить со своим дядей!»

— Я поговорю! Но ваше обещание согрело мою душу, спасибо большое! — он прошептал, как испуганный ребёнок, и посмотрел на меня.

Даже одарённые магией дети, а он, несомненно, одарённый, всё равно — дети и боятся неизвестности. И мне тоже знакомо это неприятное, давящее чувство.

Служанка постучала и предупредила, что всё готово к омовению.

— Я решил, что вам гораздо удобнее будет занять покои рядом с моими, там и ванна есть, сейчас горничная наведёт порядок, и к вечеру вы сможете переехать.

— Это лишнее! — пытаюсь возразить.

— Я так хочу, в этой комнате жила моя мама, и я хочу, чтобы вы её заняли, пожалуйста! — он понял, раскусил меня. Если вот так жалостливо посмотреть, то я не могу устоять и уступаю. Конечно, я уступила и в этот раз.

— Хорошо! Но не позволяйте Веронике без спроса заходить к вам, пусть она учится соблюдать границы, это ей очень нужно!

Князь довольно кивнул и улыбнулся. Он снова получил то, что хотел.

Мы с Вероникой вернулись в свою комнату за вещами, решила сначала искупать дочь, а после сама. В голове уже чёткий план действий, пришлось снова пристрожить непоседу, чтобы никуда не убегала, слушалась и, главное, не заходила без разрешения в покои князя.

— Мамочка, а его правда посадят в тюрьму?

— Нет, это не тюрьма, а закрытая школа.

— Но я туда вообще не хочу, даже с тобой, всё равно не хочу. Это как детский дом? Нет!

Моя просвещённая дочь категорически отказалась от этих ужасных перспектив. Я дала обещание мальчику, не учитывая мнение дочери. Чувство вины перед детьми окатило меня с ног до головы, как грязь из-под колёс.

— Я обещаю, что сделаю всё, что от меня зависит, чтобы мы все не попали в какое-то нехорошее место. А сейчас быстрее мыться! Потом посидишь в постели, пока я моюсь! И ещё раз напомню, что сидеть надо тихо, сама понимаешь, тут порядки суровые, непослушных детей наказывают. А вечером нас переселят в настоящую комнату принцесс!

— Правда? Я буду вести себя, как настоящая принцесса!

— Вот и чудесно!

Пришлось её припугнуть и обрадовать одновременно, а у самой сердце готово вырваться наружу, сколько можно трепать мои нервы. Ситуация очень непростая, и я вообще не вижу, как из неё можно выпутаться.

Быстро помыла доченьку, вытерла, укутала и отнесла в нашу спальню. Ещё раз напомнила правила для принцесс и поспешила обратно в великолепный будуар с шикарной медной ванной.

Теперь можно и себя привести в нормальное состояние, отмыться, очиститься. Эти покои выглядят шикарно, дорогая мебель, везде мрамор, гранит, сразу видно, что это спальня князей. Пусть и загородный дом, но убранство царское.

Закрывает дверь из коридора, чтобы никто не вошёл, раз в доме генеральная уборка, то всякое может быть. Загороди-

ла ванну красивой, расписной ширмой, разделась и погрузилась в горячую, успокаивающую воду с пеной. До обеда дел у меня нет, единственная причина для волнений – Вероника, но горничная обещала присмотреть за ней.

— Мне жизненно необходимо смыть с себя шок последних дней! С нами всё будет хорошо, дом есть, работа есть, и, наверное, есть возможность вернуться домой! Должна быть! — приговаривая успокоительную мантру, нанесла местный, довольно ароматный шампунь на волосы, кажется, что это жидкое мыло с добавлением ароматических масел. Жаль, что нет привычного душа. Приходится осторожно небольшим ковшиком поливать на голову, чтобы смыть пену.

Смыла и вдруг осознала один интересный поворот, а что если мы втроем сможем сбежать отсюда, раз у Тёмы здесь такие ужасные проблемы, то может быть, ему проще окажется в нашем мире.

Почему-то про свои проблемы размером три миллиона я вдруг забыла. Наверное, на фоне настоящего – прошлое вообще померкло. Ещё вчера вспомнила, как у меня пропадал на неделю паспорт, потом нашла в вещах, там, куда сама вообще никак не могла засунуть. Согрешила на дочь, к своему стыду. А оказалось, что у мужа был дубликат ключей, но теперь в той квартире живут арендаторы, и замки поменяли, но поздно, сразу надо было озадачиться. Тогда он и сделал это подлое дело.

Зависла девонька в размышлениях, разморила меня горя-

чая ванна... Но пора выходить, сушиться и бежать к скучающей дочери.

— Кхм! Какого чёрта происходит? Кто вам позволил? — откуда-то сверху вдруг раздался такой грозный рык, я от испуга дёрнулась, и так неудачно, что проскользила попой по скользкой ванне и с головой ушла под мыльную пену. В следующий момент крепкая рука выдернула меня из-под воды за волосы. — Да, боже мой! Сударыня! Вы что творите? Топиться?

Незнакомец испугался, что я тону, а я испугалась вообще всего и завизжала в панике: «А-а-а-а!»

Глава 11. Графу придётся уступить

— Не кричите! — рыкнул незнакомец, кажется, он мне сейчас рот заткнёт, но нет, убедился, что я не собираюсь больше «топиться», отпустил и отступил.

— Пфу! Как вам не стыдно! Врываться без стука! Уйдите сейчас же! — скукожилась в ванне, обхватила руками колени и шиплю ему в ответ, уж ставить на место я тоже умею. Однако в горячей воде меня так трясёт, будто она ледяная. Шуметь нельзя, рядом комната Тёмы, а он так и замер, не уходит, принял меня за доступную?

— Да не смотрю я на вас! Это мои покои, кто вам позволил здесь брызгаться?

— Ой, а давайте выяснять отношения после того, как я оденусь, или у вас какая-то постыдная мания, наблюдать за женщинами во время купания? Я не из таких! — не разгибаясь так и, сижу, жду, когда наглец выйдет.

— Да что б вас, сударыня! Откуда мне знать из каких вы, таких или этих? Хорошо, жду вас через полчаса в библиотеке, одетую! И живу! От позора никто ещё не умирал, я вас и не разглядел в мыльной воде. За что мне ещё и ЭТО? — снова ворчание, смотрите какой нахал. Ворвался, ещё и на меня же наезжает.

Не разглядел он...

Уже и так поняла, что это сам граф, ну может быть его

служащий, это было бы проще. Но кого я обманываю, это он, граф Чернышёв.

Наша первая встреча прошла ужасно, и мы уже бесим друг друга, прощай моя должность.

Услышала, как хлопнула дверь, скорее выбралась и ванны, вытерлась, оделась, с трудом попадая в рукава, и ноги запутались в панталонах, чуть не завалилась. Трясёт то ли от бешенства, то ли от страха и неопределённости.

Замираю у запотевшего зеркала, протираю рукой и смотрю на себя, испуганную, загнанную в угол, женщину, на вид девочку, жалкую и неуверенную в себе.

Таким людям не доверяют. Особенно если вопрос касается детей. Я сейчас вылитая «Размазня» великого Чехова, нельзя такой быть. Меня точно выгонят!

— Аня, соберись! Ты – мать! Даже молодая кошка за котят порвёт, и ты справишься! На тебе двое детей, — шиплю на себя, точно, как кошка. Мне нужно привести себя в боевую готовность и отстоять свои права. Если юный князь выбрал меня, то не какому-то там жлобу, без стука врывающемуся в туалет, диктовать условия. Как Артемий скажет, так будет.

И только сейчас заметила, что в этом прекрасном будуаре две двери, я заперла только входную для прислуги, а ту, что ведёт в спальню – забыла.

— Размазня полоротая и есть, господи, когда я научусь действовать обдуманно и основательно? Никогда!

Выдыхаю. Уже более спокойно расчёсываю волосы, поправляю одежду и сначала решаю навестить дочку, проверить, как она без меня.

Заглянула и увидела, что моя принцесса спит.

— Вот и хорошо.

Быстро спускаюсь по лестнице, прохожу в библиотеку, набираюсь смелости и стучу в двери.

— Входите!

— Добрый день! Вот так, было бы гораздо приятнее начать наше знакомство, — а решила наехать на него сразу с порога.

В высоком кресле, демонстративно развёрнутом спинкой к двери, сидит граф, всем телом ощутила, какую он нагнал злобную обстановку. Прямо вулкан, и макушка «дымиться», ладно хоть не курит, а то нам с детьми после обеда заниматься в этом помещении.

Прослушав моё «приветствие», он встал и замер, только на мгновение, но я знаю этот эффект.

Что-то его зацепило во мне? Или, по его мнению, гувернантка не смеет быть хоть немного привлекательной?

Не успела разглядеть в первый раз, зато теперь насмотрюсь вдоволь.

Красивый мужской красотой без модельного шика, темноволосый, широкоплечий, и он молод. Я, признаться, ожидала кого-то лет под сорок. Уж и не знаю, откуда взялся этот стереотип, наверное, после его стариковского ворчания надо

мной в ванной комнате. Но он молодой, и, видимо, успел себе накрутить всяких пошленьких мыслишек.

Впиваться в него взглядом я не решилась, отвела взгляд и жду очередной виток «событий». Едва смогла рассмотреть аристократичное лицо, и сделать вывод, что они с Тёмой совершенно не похожи. Мальчик ангел, а этот грозный демон. Я разглядывать графа постеснялась, а он насмотрелся вдоволь, особенно на моё платье, уж такие люди всегда ценят по одежке. А мой наряд вопит о нищенском положении дел, плохи мои дела.

— Представьтесь!

— Анна Ивановна Демидова.

— У вас есть рекомендательные письма, документы? — его голос с той нередкой интонацией: «ну, я же говорил!» очень раздражает. Прекрасно понимаю, что он просто ищет повод избавиться от меня, и второй же вопрос позволит ему сделать это.

— У меня нет ничего из того, что вы спросили. Я попала в поместье случайно, без злого умысла.

— Я даже не удивлён! Надеюсь, что вы понимаете необходимость покинуть наше имение сейчас же, — теперь в его красивом голосе появились победные нотки.

— Не вы меня нанимали, так что вам лучше утрясти этот вопрос с моим хозяином, — говорю, не уступая, я намерена отстоять свою должность.

— Я так и думал. Дерзкая самозванка назвалась гувер-

нанткой, чтобы втереться в доверие к малолетнему хозяину поместья. Вы слишком юная, малоопытная особа, чтобы обучать такого юношу, как князь Вяземский. И подозреваю, что у вас туманное, вульгарное прошлое, раз вы не замужем, и ребёнок на руках. Всё как написала фрау Христина. Даже не удивлён.

Я вскипела. Чувствую, что об мои щёки сейчас можно ошпариться, сжимаю кулаки, только чтобы сдержаться и не залепить пощёчину графу.

— Я вдова! Такое, знаете ли, случается! Мы с вами знакомы не более пяти минут, вы уже навешиваете на меня пошлые ярлыки? Не думали, что она из мести облила меня грязью? Вы сноб, не я вломилась в ванную, не я вас дёрнула за волосы. Это всё вы! Так что, сударь, не валите всё с больной головы на здоровую. Оскорбляя меня, вы себе чести не делаете!

— Вот как? Вы ещё и грубая, — он вдруг улыбнулся, но тут же опомнился и сдвинул брови на «суровом» лице. Издевается?

— Простите! Я грубая? Вы меня унижаете, а я должна опустить голову, краснея, глотать слёзы, и выслушивать гадости? Нет, увольте...

Я произнесла это дурацкое слово и осеклась.

— Вот и прекрасно, увольняю! Собирайте вещи и уезжайте, через два часа на перекрёстке остановится почтовая карета в столицу. Могу вам даже написать рекомендательное

письмо, что вы слишком красивая для этой должности. Поэтому я вам и отказал. Всего хорошего, видите, я тоже умею говорить приятные слова. Поверьте, это в ваших же интересах!

Теперь он улыбнулся, не скрываясь. Улыбка у этого сноба вполне себе приятная, а вот с характером не повезло.

Кажется, я проиграла. Остаётся одно, давить на жалость... Только подозреваю, жалости у графа нет.

— Анна Ивановна никуда не поедет без меня! Она моя гувернантка и наставница, её знания очень свежи и интересны. Можете из праздного любопытства посмотреть тетрадь с нашими занятиями. Мы изучили уравнения, и она пояснила мне простейшие законы физики, — за моей спиной раздался спасительный голос юного хозяина поместья.

— Но, князь! Это не дело ребёнка, нанимать служащих! Тем более с людей с туманным прошлым! — голос графа вмиг изменился, ему тоже стыдно перед мальчиком, это чувство вины? В броне вулкана есть слабые места? Но я уже молчу, чтобы окончательно ничего не испортить, Артемий гораздо лучше умеет проводить переговоры, уж я в этом убедилась.

Юный князь подошёл к столу и подал тетрадь, в которой мы вчера исписали несколько страниц.

— Вам ли не знать, что самое туманное прошлое здесь у меня, так что простите, дядя, вы даже не мой опекун. Я сирота и сам отвечаю за свою жизнь, ваши гувернантки мне кате-

горически не подошли, и не в силу их малопривлекательного образа, а по причине безграмотности. С Анной Ивановной мне интересно заниматься. И на этом прекратим наш спор. Кстати, комнату, какую вы привыкли считать своей, я осознанно отдал моим наперсницам. Вы, если не оскорбитесь, можете занять любую другую.

Улыбки закончились, теперь всё серьёзно.

В комнате повисла зловещая тишина. По желвакам на красивом лице графа и без магии можно прочесть состояние крайней формы бешенства. Но он сдерживает себя, слегка наклонился вперёд, взял тетрадь и пролистал. Это лишь игра, он тянет время, размышляя чём-то очень важном.

Начал несколько пренебрежительно, но вчитался и, кажется, заинтересовался нашими занятиями.

Теперь уже с большим уважением, вернул тетрадь мальчику и, не стесняясь меня, вдруг заговорил на очень личную тему, и совершенно иным голосом, без злости, но сколько горечи в его интонациях, захотелось сбежать, чтобы не вникать в проблемы чужой семьи, но я осталась.

— Мне вчера принесли сплетни, что ваше дело проиграно. Вы банкрот, если я возьму опеку над вами, то в ближайшее время разорюсь, и тогда вообще не смогу о вас позаботиться. Я уже в какой-то мере пострадал, невеста расторгла помолвку, а этот брак был очень важен для меня. Вы, Ваше сиятельство, просто не в состоянии позволить себе гувернантку. Через несколько месяцев имение и особняк в городе

продадут, у вас не останется никаких официальных средств, только моё содержание. Следовательно, и гувернантку выбирать мне.

О боги! Как грозно посмотрел на меня, словно он инспектор Роспотребнадзора, а я подлая «просрочка», притаившаяся на полке, в ожидании невнимательного покупателя.

Такая глупость, выдвигать ультиматум несчастному ребёнку. Я испытала неприятное ощущение «испанского стыда», сердце сжалось от боли. Увидела слёзы в глазах Артемия, но ни одна из них не посмела скатиться. Так захотелось обнять и спрятать мальчика, укрыть крыльями, защитить...

— Я вас не оставляю, вы просили, чтобы я поехала с вами в какую-нибудь школу и устроилась там воспитателем, если это возможно, то я с радостью, — единственное, что я нашлась сказать, чтобы поддержать несчастного ребёнка.

Граф снова посмотрел на меня, что стало совсем неудобно. Влезла!

— Престижный кадетский корпус отказался принимать ваши документы. Я, право, не понимаю, как разрешить эту ситуацию. Поэтому Анне Ивановне всё же придётся уехать. А я забираю вас в столицу, завтра уезжаем. Попробую вступить лично за вас перед самим царём, чтобы беды семьи не разрушили окончательно вашу жизнь. Если и это не поможет, то отправлю вас за границу с полным пансионом. Иных вариантов спасти вас у меня нет.

— Я никуда не поеду, пока дом не выставили на продажу,

и нет покупателя, мы остаёмся здесь! Если Его Величество имел желание спасти меня, то сделал бы это ещё осенью, напрасная трата времени, спасайте себя. Пойдёмте, Анна Ивановна, Вероника, должно быть, проснулась. Скоро обед, потом занятия и прогулка. Всё как обычно. — Артём взял меня за руку и вывел из библиотеки.

— Не оставляйте меня! — прошептал, и я подчинилась материнскому инстинкту, снова приобняла его и поцеловала. Он вроде так умен и силен духом, но понимаю, что запас сил истощился, мальчик на грани. Ведь я даже не догадываюсь, что с ним произошло год назад, из-за чего весь этот сыр-бор.

За закрытой дверью в кабинете слышали шум упавшего стула. Прекрасно понимаю и графа, но в любом случае так с мальчиком поступать нельзя.

Глава 12. Тревожная неопределённость

Весь оставшийся день мы старались не попадаться на глаза графа, этот конфликт прежде всего вредит Тёме, а у меня нет законных оснований оставаться в поместье, ни единого, кроме желания мальчика. Смиренно жду, когда горничная приготовит нашу новую комнату, занимаюсь с дочкой. И пытаюсь обдумать, что вообще можно делать в подобной ситуации?

Чтобы не сорваться в панику, перебрала и заштопала кое-что из вещей, найденных в комодке. В целом, это наряды нищенок, старые, застиранные из простых тканей. Выручает красивая шаль, подозреваю, что её из своих запасов подложила в комод Федора Тихоновна.

Обедать пришлось отдельно, на самом деле, у меня кусок в горло не полез бы под уничижительным взглядом графа. А учитывая, что Вероника ведёт себя как типичный ребёнок современного детского сада, вполне вольно в словах и действиях, то нам вообще лучше притаиться.

Дяде и племяннику есть о чём поговорить наедине.

Сразу после сытного обеда Федора Тихоновна сообщила, что покои готовы. Наклонилась и прошептала:

— Не переживайте, наш граф всегда такой, резковатый,

потому, видимо, и не женат.

— Да понимаю я всё, у него сейчас мозг вскипает, такие проблемы у семьи, кого хочешь до иступления доведут. Пока буду меньше мельтешить перед его сиятельством, может и правда пощадит, и не выгонит нас с дочкой. Вот только эти новые покои. Я его снова разозлю...

— Он устроился в отличной спальне. Поди, и забыл о неприятном инциденте!

— Как же забудет он! — а сама улыбаюсь, понимая, что такие моменты не забываются, позорное знакомство запомнится на всю жизнь и ему, и мне.

Собрала наши скудные пожитки, пришлось залезть на стул, потом на комод, чтобы вытащить и перепрятать сотовые, забрала и газеты, какие оставила «фрекен Бок».

В ожидании Артемия ещё раз пересмотрела все страницы еженедельника. Ищу место, хотя бы какое-то: гувернантки, горничной, продавщицы, няни.

Что угодно, потому что к вечеру граф явно уговорит Артемия и завтра они уедут.

Нашлось два места. Одно в лавке, но оно явно занято, ведь дней прошло немало.

Второе — в закрытой школе для одарённых детей. Место воспитательницы младших классов, это наиболее подходит нам, но вообще перечень вакансий внушительный, заведение новое, и это идеальный вариант. Адрес указан простой: Петергоф, Лицей.

— Стоит попробовать. В любом случае как-то выживать нужно, в столице мы потеряемся, а здесь обещают пансион.

Отрываю лист с объявлением и прячу в сумку.

Как только мы расположились в новых покоях, пришёл юный князь и начались занятия. После непростых переговоров нам очень сложно сосредоточиться, но мы стараемся, нельзя поддаваться панике. Хотя очень хочется.

Замечаю, что мальчик снова отстранился, ещё немного и перестанет разговаривать. Хотелось войти к графу и «вставить ему мозги», что у ребёнка и без того трагедии, от которых не каждый взрослый сможет оправиться, ведь родителей потерял. Так, его ещё постоянно дёргают.

Но я промолчала. И на прогулке ни единым словом не выдала свои переживания, как и юный князь. Мы лишь с утробным усердием следили за Вероникой. А она единственная беззаботная душа, радуется всему, что встречает нового в этом мире.

И всё же в дубовой аллее мы решились на откровенный разговор с Артёмом.

— Я увидела в газете объявление, о месте в закрытой школе для одарённых, может быть, и вам там найдётся местечко. Но мне нужна помощь. Письмо написать я смогу, а вот как отправить? Этих порядков я не знаю. Поможете? Нельзя опускать руки вдруг что-то получится.

— Дядя дал понять, что у нас нет шансов. У вас нет доку-

ментов. У меня нет денег платить за обучение. Но вы правы, надо попробовать. Я взял на себя смелость, обмануть дядю.

Он так посмотрел на меня, словно признался в ужасном преступлении, но я решила не делать тревожное лицо, улыбнулась и переспросила:

— Вот как? Это каким образом?

— Я сказал, что вы беженка из Ревеля, Анна Иоановна, и по законам Ливонского княжества вы пожизненная должница за грехи мужа игрока. Я знаю, что это чудовищная ложь, но он поверил. И теперь будет к вам снисходительным. Он теперь вообще очень жалостлив к таким, как мы с вами — должникам.

— А разве тебе, как ребёнку не должны простить долги родителей?

— У моих родителей нет долгов. Это всё ложь, и простить меня могут, но это честь рода. А я не желаю отказываться от своей семьи, из-за подлых наветов, — с каким достоинством он произнёс эти слова, у меня даже мурашки по спине пробежали. Вот что значит, княжеская кровь.

— Значит, возможно, есть способ доказать вашу невиновность? Почему граф этого не делает?

— Это долгий разговор, и я в силу возраста не понимаю всего, пойдёмте в дом, вы замёрзли! — быстро прекратил разговор, как только дело коснулось реальных шагов. Но я его прекрасно понимаю!

Граф так и сидит где-то в библиотеке или своей комнате,

Артемий решил немного поиграть с Вероникой в «Бирюльки». Мне пришлось присоединиться, чтобы помогать дочери и записывать очки.

Как же нас всех сейчас тяготит неизведанность. Вообще, непонятно, что готовит завтрашний день. К вечеру вообще стало не по себе. Показалось, что граф что-то задумал решительно-кардинальное. Как бы не приказал силой увезти племянника в столицу. Но тут я уже ничего не смогу сделать.

— Анна Ивановна, может быть, сейчас напишете письмо? Завтра к нам заедет почтовый ямщик, и Федора Тихоновна отдаст ему письмо. Не придётся ходить на перекрёсток и караулить карету. — Вот у меня есть марки, кажется, достаточно одной.

— Отличная идея.

Мы сели в моей комнате и начали составлять письмо, я бы точно написала не так, как надо. Тёма продиктовал верные приветствия, подсказал, как обратиться и как завершить. Но содержательную часть я придумала сама.

— Единственное, у меня нет рекомендательных писем. Они очень важны?

— Да, но до того счастливого момента, когда они могут потребоваться, нам должны ответить! — серьёзно ответил Артём, а я замерла с недовольным выражением на лице.

— Это пустая затея, можно не продолжать, — сама понимаю, что нас не примут. Точнее, принять на основании письма — примут, но потом выдворят. Всё потому, что у меня нет

документов.

— Вы не хотите?

— Хочу, но ваш дядя прав, у меня нет документов, мне нет доверия. И не представляю, где буду через пару дней, если поместье выставили на продажу, нас выселят, ответ придёт сюда, а я о нём не узнаю. Наверное, лучше сразу ехать в Петергоф.

Мы задумались на несколько секунд, и только Вероника сидит, внимательно смотрит то на меня, на Артёма.

— Мамочка, а мы разве уезжаем?

— Пока ничего не понятно! Граф решает, как с нами быть, стой, ты куда? — не успеваю договорить, как дочь спрыгнула со стула и побежала на выход.

— Внизу кошка с котятками, хочу посмотреть.

Вжик и умчалась. Что-то она задумала, я хотела было догнать плутовку, но Артемий опередил меня:

— Вы закончите писать письмо, а я найду Веронику и попрошу дядю не трогать нас, по крайней мере, до того дня, пока вы не найдёте себе место. Рекомендательное письмо смогу написать и я сам!

Встал и вышел, а мне пришлось быстро дописать «резюме», ещё раз проверить, запечатать и написать обратный адрес поместья. В любом случае Федора Тихоновна какое-то время здесь останется.

— Ну вот! Я сделала всё, что от меня зависит, и всё, что возможно. Можно, конечно, пойти и умолять графа пристро-

ить нас, но он уже дал понять, что всё давно решено, — прошептала, успокаивая себя, и отнесла письмо экономке, пояснила его суть и она сказала, что непременно отдаст почтовому служащему.

— И ответ получим, если что, то в столицу переправлю к родственнице, там и заберёте. Не спешите отчаиваться, господь всё управит!

— Спасибо огромное, в моей ужасной ситуации, только вы и Артемий Петрович помогаете.

— Это ещё кто кому помогает, милочка, ведь до вас мальчик, словно неживой был. Мы так боялись, что он зачахнет. Смотрите, как он с Вероникой приветлив, и в вас нашёл утешение. Не оставляйте его.

— Меньше всего хочу его оставлять. Написала в этом письме о нём, но без подробностей и просьбу, может быть, как-то смогут взять князя на обучение, и моей бы оплаты хватило содержать нас троих.

— О деньгах не переживайте, граф оплатит обучение и содержание, беда в том, что князя никто не принимает. Ох, как же тяжело. Был бы простым дворянином, куда проще бы дела обстояли.

Федора Тихоновна обняла меня, долго держала в объятиях, не в силах сдержать эмоции, благословила и ушла к себе.

Артем выловил Веронику где-то в комнатах, вернул мне, но так посмотрел на неё, что и без слов стало понятно, она уже получила от него строжайший выговор. Подозреваю, что

она хотела «поговорить» с графом, и сказать, что мы хорошие. Какая наивная.

— Спокойной ночи, Анна Ивановна.

— Спокойной ночи, Артемий Петрович! Всё будет хорошо.

— Я уповаю на это, однако испытания закаляют.

Да уж, закаляют, мне пришлось вновь провести с дочерью очень строгий разговор. Как ей объяснить-то, что мы здесь вне закона и на птичьих правах, да и надо ли.

Проблем сейчас других полно. Есть ощущение, что мы с дочкой, как попали сюда, так можем и обратно вернуться. Иллюзия же может в любой момент измениться. Допустим, открою дверь и вместо столовой, окажусь в похожем музейном комплексе, но в нашем мире.

Я всё ещё надеюсь. И при этом раздаю обещания Артемию.

В доме сейчас вообще обстановка, словно кто-то умер, очень тяжело, даже великолепная комната не радует.

Молча легли с дочерью спать, долго ворочались, и только я уснула, как кто-то настойчиво потряс меня за плечо. Открываю глаза и в панике подскакиваю. Надо мной нависла тёмная фигура графа. Как же он меня напугал!

— Вы! Уйдите прочь! П-пожалуйста! — едва справившись с волнением, прошептала, чтобы не разбудить Веронику.

— Мне нужно с вами поговорить и срочно, жду вас в биб-

лиотеке, сейчас же! Пожалуйста! — прошептал слишком настойчиво и вышел.

— Командир нашёлся, как меня всё это достало!

Очень надеясь, что он не позволит себе лишнего, а то после случая в ванной мало ли что он себе надумал.

Глава 13. Маленький прекрасный монстр

Осторожно встаю с постели, от внезапного пробуждения сердце не может успокоиться, несколько минут пришлось посидеть в тишине, остыть. В таком состоянии идти на переговоры – себе дороже. Только дрожащим голосом и разговаривать, чтобы уж совсем всё испортить.

Очень жаль, что графу до утра неймётся, переживаю, что дочь проснётся, испугается и пойдёт меня искать по дому. Но делать нечего, разговор должен состояться, от него зависит наша судьба, при свете небольшой керосиновой лампы поправляю причёску, накинула шаль.

— Вроде всё нормально, надо выглядеть хоть немного презентабельнее, чтобы внушать доверие.

Вздыхаю и спешу в библиотеку.

— Доброй ночи, Анна Ивановна. Прошу меня извинить за все недоразумения, что случились между нами.

— Доброй ночи и вам. Да, сплечем всё недоразумения на нервную ситуацию. Нам всем сейчас непросто, — вошла и стою, можно было бы присесть, но я в этом доме прислуга, пытаюсь соответствовать статусу.

— Вот об этом я и хочу с вами поговорить. Подозреваю, что у вас сложилось нелестное впечатление обо мне.

— Да, тут и подозревать не надо! Ой, простите, ваша светлость, мне пора выключить режим колкостей и подначек. Но в целом я в некотором недоумении на ваш счёт.

Вывернулась, но не идеально. Графа моя очередная колкость задела.

— Вот как? — его брови, взметнувшиеся вверх, явно намекают, что он-то себя ни в чём виноватым не чувствует, просто пытается как-то скрасить ситуацию.

— Поясню. Мальчик после глубочайшей душевной травмы, вызванной гибелью родителей, замкнулся, перестал разговаривать, мало ел, плохо спал. Не каждый взрослый за такой срок в состоянии оправиться после подобной трагедии. И вы, судя по всему, его единственный родственник, и отвернулись от него. Ищите какую-то детскую тюрьму, чтобы избавиться от проблемного племянника. Всё ради своей репутации. Это жестоко. Но кто я такая.

— Действительно, кто вы такая! Три дня в поместье и уже всё про всех поняла! Вы, как я посмотрю – профессионал с большой буквы, нам с вами очень повезло.

Он вдруг излил на меня сарказм, видать совесть есть и не даёт покоя, а вот осознания ситуации не наблюдается. Однако если я продолжу вот так дерзить, то и моя участь станет ещё более незавидной, а я и так на самом дне. Ради дочери могу и унижения стерпеть...

Выдыхаю, улыбаюсь, стараюсь изобразить дружелюбие, как на кассе перед закрытием, и пытаюсь повернуть диалог

в позитивное русло:

— Я мать! Понимаете? Все невзгоды сегодня есть, завтра пройдут, а послезавтра начнутся новые. Это жизнь. Но здоровье ребёнка, можно потерять навсегда. Оно бесценно. Никаких денег не жаль, если твой ребёнок страдает. А Артемий страдает, я не родная ему, но сердце кровью обливается, глядя, как его топят обстоятельства. Так что прошу меня простить за излишнюю горячность.

Граф уставился на меня, очень долго посмотрел, сам же смутился. Ощущаю, что в его сознании сейчас идёт бой между долгом, совестью, инстинктами выживания и желанием спастись. Это непросто, по себе знаю.

— Присядьте.

Он указал мне на кресло, сам сел напротив, так близко, что я ощущаю его сдержанный мужской парфюм. Дистанция между нами мизерная, буквально коленями касаемся, так он ещё наклонился, чтобы уж совсем придавить авторитетом.

— Я понимаю, как это выглядит со стороны. Поймите, это не моя прихоть, давно бы уже оформил бумаги, и Артемий стал моим сыном. Но беда в том, что он князь, и против его семьи ополчились какие-то лютые силы.

— Я это уже слышала, но почему вы решились именно со мной об этом говорить?

— Подождите, не перебивайте! Мне посоветовали адвокаты не брать опеку над мальчиком, и таким образом сохранить свои средства. Я смогу его поддерживать тайно, пони-

маете?

— Простите, не очень разбираюсь в этих законах, и тем более не понимаю, какое я отношение имею к опеке?

— Я искал князю надёжную гувернантку, но ни одна не согласилась с ним работать. Я уже отчаялся, и тут появляется вы.

Он снова замолчал и теперь рассматривает меня, как кусок буженины на витрине, невольно откидываюсь на спинку, настолько неуютно себя чувствую. И ничего не могу ему сказать, потому что вообще не понимаю к чему этот разговор.

— Вы очень странная, несколько подозрительная, нищенка, это всё считается при первом взгляде, но при этом очень красивая и независимая, тише, не вспыхивайте. Это не грубость! Я пытаюсь принять очень важное решение. Простите, умоляю, потерпите мою навязчивость...

Я действительно вспыхнула, но Матвей Сергеевич крепко взял меня за руку и не позволил встать, да я и не собиралась. Просто достали меня эти личные наезды и оскорбления. Но он, кажется, осознал, что ведёт себя бесцеремонно, уже прогресс.

Продолжаю молчать, но руку из его хатки осторожно выдернула.

— Хочу доверить вам заботу о князе Вяземском. С моей стороны полный пансион, но вам придётся переехать в столицу, чтобы я мог его контролировать, скорее всего, от него отвернутся все школы, и университет, но судя по записям в

тетради, вы действительно многое знаете, сможете его обучить. Ваши утраченные документы мои адвокаты восстановят, попытаемся это сделать законно.

Вот теперь я вспыхнула, не гневом, а страхом. Что же такое произошло с Тёмой? Но, с другой стороны, и радость, мои беды и проблемы граф решил взять на себя. Кажется, что я сейчас разрыдаюсь от счастья. Чувствую, подводные камни ещё есть.

— Да что такое произошло? Почему такая дикая неприязнь к ребёнку.

— Его отца подозревают в нескольких преступлениях, в том числе растраты, возможно, измена родине, дело закрытое, и я не хочу обсуждать это с вами. По нашим законам после такого преступления лишают титула и всех членов семьи, высылают из столицы, вообще всех близких. После Пасхи по итогам военного трибунала и большой совет Сената объявит о решении лишить род Вяземских титула, гражданское правительство всегда поддерживает вердикт военных судей. Возможно, сироту пожалеют, оставят в столице, обойдётся без ссылки, но как обычного, незнатного человека. Лишат всех привилегий, всех имений и активов. Без права в будущем занимать важные должности, не выше управляющего.

Он проговорил эту правду и замолчал, вижу, что пытается проглотить ком в горле. А в глазах стоят слёзы. Это же его сестра мать Тёмы, и с ней кто-то также безжалостно поступил. Теперь сама беру его за руку и жду, когда накопившаяся

боль отпустит.

— Вы поэтому боитесь брать опеку, потому что в этом случае, вас наверняка лишат всего и вышлют за пределы цивилизации? А одинокого сироту могут и пощадить? В таком случае, действительно, это самый разумный вариант. Мне некуда идти, я сама вне закона, но обучить вашего племянника смогу, единственное, нужно будет найти кого-то по музыке и иностранным языкам, в этих дисциплинах я не сильна.

— Так вы согласны?

— Шутите? Вы меня спасаете, у меня всё пропало, документы, деньги и личные вещи. Я бомж, и с ребёнком на руках. Выставите нас из дома, и я завтра же буду вынуждена сидеть на паперти и умолять подать милостыню. Конечно, согласна!

Готова поклясться, между нами сейчас рухнула каменная стена. Физически ощущаю, что граф решился довериться мне, хотя у него тоже вариантов-то негусто, очереди из желающих не стоит.

— Есть ещё кое-что, что вы должны знать, если вы ещё не догадались сами.

— О чём? — я пока в некоторой эйфории, что мои дела так легко устроятся, даже не поняла, что наступил момент подвохов.

— Артемий одарённый! И не просто одарённый, он тёмный маг, никто не представляет, какими силами владеет этот

мальчик. И я опасаясь не только за него, но и его самого. Тёмные силы постоянно искушают таких, как он. Доносить в Тайную канцелярию я не посмею, но рано или поздно о его силе узнают, и вот тогда начнётся новый виток скандалов и разбирательств. И та ситуация, что сложилась сегодня, нам покажется лёгким недоразумением, надеюсь, вы понимаете теперь, почему я хотел вас выслать?

— Да, не-е-ет, вы ошибаетесь, развитой, очень умный мальчик, но магия, это какие-то сказки, хотя он говорил, но я думала про какое-то ясновидение, — сказала и смотрю на графа с недоумением.

— Значит, он научился себя сдерживать? Я признался, именно потому, что у вас нет никакого иного шанса жить достойно. Считайте себя заложницей обстоятельств.

— Чего уж тут считать, я и так заложница обстоятельств. Но вы же хотели доверить его каким-то гувернанткам, ваш секрет бы не продержался и месяца, будь у Тёмы такие способности, о каких вы только что упомянули.

— Это от безысходности, и кроме того, тех женщин рекомендовал один надёжный человек, теперь понимаю, что зря пытался. Артемий такой и есть, он сам выбирает...

В этот момент в моём сознании загорелась лампа: «Вот оно!»

Я вдруг встала, сделала несколько нервных шагов по комнате. Решилась на откровенность и повернулась к графу:

— Мне кажется, что мы с Вероникой жертвы Артёма, он

нас выбрал и вероломно переместил сюда, мы просто оказались на перекрёстке, а были в другом месте, — про другой мир я решила промолчать, секунду помедлила, чтобы граф смог осознать ужас ситуации, и продолжила. — Злости нет, это его шаг отчаяния, но если это правда, то я вынуждена всё ещё раз взвесить! Ради дочери! Это же очень опасно!

В этот момент, где-то в доме очень громко хлопнула сначала одна, потом вторая, и теперь, кажется, все двери сошли с ума. Похоже, что мы разозлили маленького, прекрасного монстра!

Глава 14. Доказательства

Подхватываю юбку, чтобы не запнуться, и бегу в комнату к дочери. Сейчас меня волнует только моя девочка.

Двери во всём доме так и продолжают хлопать, да с такой силой, что если попадут по лбу – то мне мало не покажется. Выжидаю момент, и во время очередной фазы полного открытия – я прорвалась в спальню. Смотрю на кровать, и внутри всё сжимается. Одеяло свалилось на пол, дочери нигде нет. Заглянула под кровать, в шкаф, в будуар – пусто.

— Вероника, ты где! Девочка моя, не бойся, это я! — крикнула, и вдруг в доме всё стихло.

Осторожно, чтобы не получить от двери внезапный удар, не доверяю ожившим дверям, буквально выпрыгнула из спальни и решительно направилась в комнату князя.

Ожившие предметы успокоились, но внизу слуги проснулись и, кажется, ловят всё ещё бегущую по комнатам мебель, переполох получился знатный.

Без стука вошла и замерла, нет, я, конечно, что-то такое предполагала увидеть, но не настолько поражающее воображение.

Вероничка сидит на кровати и обнимает Артемия, что-то нашёптывает ему песенку из «Спокойной ночи малыши».

Она словно заклинатель «злого волшебника» заставила мальчика успокоиться.

Так и стою в дверях, не понимая, что делать, подойти, выйти, забрать дочку или оставить её с ним.

Сзади меня за плечи вдруг кто-то приобнял, от неожиданности вздрогнула и ойкнула.

— Это она его успокоила? — прошептал запыхавшийся граф и тоже стоит, не понимая, что нам делать-то.

— Да, — шепчу, чтобы не напугать детей.

— Давайте оставим их, нам нужно продолжить разговор! — он наклонился и с жаром прошептал мне на ухо.

— Подождите!

Прохожу к кровати, осматриваю детей, и показалось, что всё в порядке, но Тёма словно уснул, его голова лежит на коленях Вероники, а она продолжает ему тихонько петь один куплет колыбельной, какой помнит, и пальчиками гладит по волосам.

— Он испугался, что ты рассердилась на него, но я пообещала, что мы его не оставим. Ведь не оставим? — прошептала дочь.

— Конечно, не оставим, мы его единственные родственники. Давай-ка я положу его как нужно, головой на подушку, а тебя заберу с собой.

Матвей Сергеевич осторожно положил племянника головой на подушку. Протягиваю руки дочке, но она отстранилась.

— Нет, мамочка, нам с Тёмой нужно быть вместе, ему страшно, и мне страшно. Но вдвоём нам хорошо, — она прошептала, и так заботливо поправила одеяльце на мальчике, что я мне осталось только вздохнуть от безысходности. Ве-

роника тут же улеглась на другой стороне широкой кровати, пришлось её укрыть и выйти.

Стоило прикрыть дверь, как мы с графом замерли, впившись друг в друга взглядами, и вопрос у нас один:

— Что вообще происходит? — не сговариваясь произносим риторический вопрос друг другу и снова замираем.

— Ваша дочь тоже одарённая?

От этого вопроса я отшатнулась назад, и затылком ударилась об стену. Матвей Сергеевич в полумраке коридора посчитал, что я падаю в обморок, и схватил меня за руки, привлёк к себе и держит, это почти объятия, мне пришлось выше задрать голову, чтобы не уткнуться в его широкую грудь. Это всё так похоже на романтику, но её здесь и близко нет, мы оба напуганы нашими детьми.

— Повторяю вопрос, ваша дочь, тоже одарённая?

— Не-е-е-ет! С чего вы взяли? Она просто его успокоила!

— Никто из простых не может успокоить гнев одарённого, у вашей дочери тоже есть способности. Вы поэтому сбегали?

— Да нет же! Простой ребёнок ходит в детский сад, непоседа, эмоциональная, в меру послушная. Умоляю, отпустите меня!

— Нет, не могу! Пойдёмте в кабинет. Мне рано утром придётся уехать, а у нас с вами масса неразрешённых дел, — он более деликатно приобнял меня за плечи и повёл вниз.

Прислуга уже разбежалась по комнатам, похоже, что они не в первый раз сталкивались с проявлением магического гнева. Представляю, что тут творилось, когда его только привезли после трагедии.

Наши шаги, наверное, всех пугают не меньше оживших дверей. Если я иду в балетках беззвучно, то граф не стесняясь топает так, что люстры звенят.

— Тише, люди и так напуганы! — пытаюсь призвать его к совести.

— Сейчас в доме спит только Артемий. Проходите, садитесь. Вот вам лист напишите о себе: имя, отчество и фамилию, дату рождения, желательно указать место, хотя лучше напишите, что вы родом из Ревеля. И не забудьте написать сведения о дочери. И место её рождения также укажите Ревель. Это нужно для ваших документов.

Я молча пододвинула к себе чернильницу и перо. Несколько поразмыслив, записала всё как он потребовал.

— Вот! Я окончила университет. Но, полагаю, его название ни о чём вам не скажет.

— Почему? — он читал бумагу и не понял, сообщения про университет.

— А вы так ничего и не поняли?

— Нет, про вас? Вы не успели мне ничего сказать.

Граф отложил лист и устался на меня.

А я вот думаю, как сказать правду, чтобы не взбесить Тёму. Наклонилась к Матвею Сергеевичу и шёпотом рассказала события того вечера, когда мы оказались здесь. Мои слова заставили его сиятельство нервничать не по-детски.

— Мы с дочкой вышли вечером из автобуса, по-вашему – карета! И через несколько минут окружение поменялось. Показалось, что мы заблудились, но нет. Нас затащило в ваш мир. Пройдя от перекрёстка, увидели этот особняк. Меня в этом мире не должно быть!

Надо было видеть, как поменялось лицо графа. Кажется, я сломала ему мозг. Ну ничего, пусть тоже немного задумается.

— Так вы не прислуга? Не гувернантка? Ваша дочь сказала, что она принцесса, боюсь даже предположить, кто вы.

Впервые за долгое время я довольно улыбаюсь! А не придумать ли мне для его сиятельства сказочку, пусть думает, что я какая-то слишком знатная фифа, и нервничает!

— Какая разница, у меня нет доказательств. Я могу назваться хоть бы женой президента, императора, дочерью короля, вы не сможете этого проверить. Потому оставляю свою тайну при себе.

— А доказательства, что вы из другого мира? Кроме ваших ногтей, почерка и ботинок дочери.

Из глубокого кармана домашнего платья достаю сотовый дочери, я его не успела перепрятать. И у него ещё есть за-

ряд батареи. Включаю, показываю ему, на экране выбираю игру, в какую Вероника любит играть. Мультяшные персонажи ожили, запиликала музыка.

— Этого достаточно?

Вместо ответа он обречённо плюхнулся в кресло, обхватил голову руками, не понимая, как исправлять всё, что творит магия напуганного племянника, обречённо застонал.

Глава 15. Канделябр

Несколько минут потребовалось графу, чтобы хоть немного свести концы с концами и осознать, что такое возможно. Но, боюсь, глубинного принятия правды не случилось. После моих «сказочных» откровений он вдруг стал более учтивым. Убрал бумагу с нашими данными в папку. Несколько секунд стоял у стола, раздумывая о дальнейших шагах, и, наконец, решился:

— Сударыня, прошу ещё раз прощение, понимаю, что слова никаким образом не компенсируют вам трагедию, я имею в виду утрату возможности жить в своём мире. И вы так держитесь, словно ничего не произошло, это удивительно, любой другой человек бы слёг или находился бы в удручающем состоянии.

— Вероника не осознаёт до конца всей трагедии происходящего, она думает, что это игра или сказка. А я не смею себе позволить слабость, чтобы не напугать её. Но, уверяю вас, у меня в душе такой шторм, что вам и представить трудно.

Он вдруг подошёл и обнял меня. Но лишь на несколько секунд позволил себе слабость сопереживания.

— Я постараюсь сделать всё, что в моих силах, чтобы компенсировать ваши потери. Позже, возможно, Артемий осознает свою ошибку и отпустит вас, проведёт назад. Однако я этого не хочу.

Признался и смутился, переспрашивать не решилась, посчитала, что это он из-за того, как Вероника действует на Тёму, и графу не хочется терять меня, как гувернантку.

Замяли эту тему. Перешли к бытовым вопросам.

— Я уеду рано утром, постараюсь быстро сделать ваши документы. Вот вам несколько ассигнаций! Они вам пригодятся, на всякий случай. Но учтите, вы мне нужны и не смейте сбежать, за пару недель я сниму для вас и детей приличный дом. Этим делом займётся мой поверенный, как только всё будет готово, за вами приедут из столицы. Но есть ещё кое-что.

— Что?

— Боюсь, что кто-то из врагов сделает попытку забрать мальчика, я не уверен, что о его способностях уже не знают плохие люди. Мой человек отдаст вам запечатанную записку как пароль. И в нём будет слово, о котором мы с вами договоримся сейчас. Назовите любое слово из вашего мира.

Я задумалась. Понимаю, что он меня сейчас проверяет и его предложение выглядит вполне рациональным.

— Интернет! Пусть будет это слово.

— Постараюсь запомнить. Артемий завтра не вспомнит о происшествии. Надеюсь, что он не впадёт в меланхолию, общество жизнерадостной Вероники действует на него благоприятно. Так же, как ваше общество действует на меня. Ох, простите. Ночь, тревога и волнение. Вчера невеста выдвинула ультиматум, сослать племянника или она забирает

кольцо. Я отказался, и она исполнила угрозу. Это оказалось больнее, чем казалось.

— Ох. Вот что я вам скажу. Она лишь невеста. Да, любовь есть, но у вас нет пока семьи, нет детей, нет обязательств и привычки жить вместе. Поверьте, предательство после нескольких лет совместной жизни гораздо тяжелее пережить. Лучше так, чем как у меня. И не спрашивайте, всё равно ничего не скажу. А теперь позвольте, я пойду спать. Даже не знаю как, оставить дочь с Тёмой или забрать, спокойной ночи!

Развернулась и пошла на выход.

Граф догнал меня и протянул забытые деньги.

— Ах да, спасибо. А вы не думали, что я вас во всём обманула?

Он улыбнулся:

— Я был бы счастлив, ведь в таком случае не ощущал бы перед вами чувства вины. Но увы, вы говорите правду. Идите спать, завтра тяжёлый день!

Поднялась к себе, проверила детей. Оба спят, сладко посапывая носами. Поцеловала и дочь, и воспитанника. Тихо ступая по ковру, ушла к себе. Двери оставила открытыми, если что-то произойдёт – услышу.

Стоит ли говорить, что я проворочалась чуть не до утра. Столько пугающих мыслей, я со всем уже была готова смириться, но не с магией. Причём ладо бы что-то типа гипноза или экстрасенсорики. Но тут нечто такое...

Мой разум даже не знает, как реагировать на эти обстоятельства. Хочу одного – защитить свою дочь от всего ужасного и опасного, но она сама лезет в пекло. И теперь даже не представляю, как разлучить детей. Кажется, нас этот мир засосал в своё магическое болото и ситуация безвыходная.

И тут же вспомнила об обещаниях графа, если он действительно о нас позаботится, то, возможно, всё не так ужасно, как кажется. Уж выплачивать долги мужа, ипотеку и ходить по судам за право на опеку, тоже не самая радужная перспектива. На этой позитивной мысли снова попыталась уснуть, но сон окончательно испарился. Так и лежу, прислушиваясь к тишине.

Показалось, что дочь меня зовёт, подскакиваю и бегу в комнату напротив, но нет, дети спят на широкой княжеской кровати, словно ничего и не произошло.

Я скоро стану истеричкой...

Возвращаюсь к себе с настойчивым желанием уснуть, но куда там, голова вскипает от мыслей. По лестнице послышались тихие шаги графа, он тоже проверил детей. И заглянул ко мне, пришлось притвориться спящей.

Очень удачно притворилась, провалилась в сон и проснулась поздним утром, двери в комнату уже закрыты, с улицы

слышен какой-то бытовой шум. Вроде бы всё обычно, кроме одного, моя девочка впервые за долгое время спала без меня.

— Ох, проспала, дети же! — подскочила, быстрее оделась, расчесала волосы, снова резинками сделала подобие причёски, умылась и бегом в детскую.

— Тише, мамочка, он ещё спит! — шепчет Вероничка.

— Тогда не будем ему мешать, пойдём, приведу тебя в порядок, переодену, и завтракать. Тёму позже покормим.

— Я уже проснулся. А почему вы в моей комнате? — юный князь резко сел в кровати и уставился на нас, а потом, видимо, припомнив, кое-что из вчерашних событий, широко улыбнулся.

— Тебе приснился кошмар, вот нам и пришлось присмотреть за тобой, — пытаюсь сгладить острые углы.

— Нет, мне приснилось, что вы обиделись и бросили меня погибать.

В его голосе странные нотки, сочетающие в себе несочетаемое: страх, обида и стыд.

— Послушай, наш с разговор с графом Чернышёвым прошёл вполне сносно. Он обещал позаботиться о тебе и о нас. Но через поверенного. Сейчас сделает мне и Веронике документы, снимет нам подходящий дом и перевезёт нас в столицу, тебе нужны ещё учителя по музыке, иностранным языкам, рисованию. В большом городе эти уроки мы обеспечим тебе с лёгкостью. Так что пока всё идёт по плану.

Тёма посмотрел на меня с недоверием, потом на Верони-

ку, а та довольная, она быстро поняла, что нам в ближайшее время расставание не грозит, раз я сказала, значит, так и будет. Но у князя пока доверия нет, он всё ещё думает, что я заговариваю ему зубы.

— Но вы не обиделись и не злитесь за мой проступок?

Я сразу поняла, о чём он, тоже считает, что виноват в нашем появлении тут.

— Послушай, в нашем мире не один раз по телевизору, это как тот смартфон, что ты видел у Верочки, но очень большой, так вот по телевизору разные люди говорили, что порой вот так пропадали сами или их родственники в другую реальность. Иногда возвращаются, иногда нет. Это какое-то странное явление, не изученное наукой, и не факт, что именно ты виновник этого происшествия. Так что не вини себя за недоказанный факт. А сейчас быстро умываться. Одеваться. За две недели нам нужно многое успеть, наверстать программу, составить план обучения, да столько дел, что перечислять можно до вечера, а их же надо сделать!

Забираю босоногую дочь и на руках несу её к себе в комнату.

— Люблю тебя, моя девочка!

— И я тебя, но ты не сказала эти слова Тёме!

— Скажу за завтраком.

Так начался мой первый официальный день работы гувернанткой у князя Вяземского.

Федора Тихоновна сообщила, что письмо в школу отпра-

вила. Граф уехал и предложил ей место в нашем новом доме, потому что на это имение уже есть покупатели, и у них, разумеется, будет свой камердинер.

— Вы же согласились? Никто лучше вас не понимает и не знает Артемия.

— Конечно, согласилась. Давно хотела перебраться в столицу, там у меня пожилая сестра, надо теперь как-то ближе. Поедем все вместе. Я же вам говорила, что Матвей Сергеевич всё устроит. Вы уж на него не обижайтесь, резковат, и ситуация такая, что без юристов и шага не сделать. Но теперь я не переживаю. Только вот у вас платья ужасные, в таких о столице-то стыдно и по дому ходить.

— Да, ладно, у меня есть некоторые средства, граф оставил, в карете проеду, а потом что-то куплю.

— Вы мне очень нравитесь, Анна Ивановна, такая молоденька, но сильная натура и оптимистка. Вы лучшая гувернантка для Артемия.

Не успеваю сказать слова признательности, в столовую вошёл юный князь, и мы сели завтракать, словно накануне ничего не произошло.

Весь день усердно занимались, гуляли, читали книги о путешествиях и исторические очерки. Хотелось понять, что произошло с этим миром, что у него настолько сильно забуксовал прогресс. Но коренных отличий не нашла, другие цари, несколько иные города, но в целом это Россия конца девятнадцатого века, но по календарю мы находимся в

одном временном отрезке. Вопросы ещё остались, их задам при случае Матвею Сергеевичу.

Кроме этих «деловых» мыслей, я о графе больше и не думала, дети заняли всё моё время до вечера. Перед сном я деликатно сказала Артемию, что Вероника всё же должна спать со мной, но двери мы откроем. Комнаты близко, если что, то приду и спасу.

Так и сказала!

Хорошо засыпать с ощущением, что всё вроде бы устоялось, и уверенность в завтрашнем дне есть. А там посмотрим, почему-то есть надежда, что способ нам с Вероникой вернуться в свой мир – всё же существует.

Подумала и уснула, обнимая свою драгоценную доченьку.

— Мама! Ма-а, проснись, в комнате у Тёмы призрак! Мамочка, мне страшно! — проснулась от того, что дочь тихонько трясёт меня за плечо и шепчет со слезами в голосе.

Ничего не поняла, пока «въезжала» в тему спросонья, потеряла драгоценные секунды. Следующее, что мы услышали, это странный глухой шум в спальне юного князя.

Сама от страха чуть не падаю, явно, что-то ужасное происходит, дочь завернула в одеяло и усадила в кресло у окна, сверху накрываю занавеской, мало ли что случится, так её и не видно, и не слышно.

Хватаю подсвечник, и босая подкрадываюсь к двери, в голове вообще нет чёткого плана, хоть бы мысль какая-то разумная, типа позвать на помощь. Но я вдруг с чего-то реши-

ла, что помощь — это я.

Вошла и в полумраке княжеской спальни увидела тёмную фигуру над постелью мальчика и это не призрак. Какой-то мужик пытается связать Тёму, у того рот заткнут огромным кляпом, это мычание и разбудило Веру.

Замахиваюсь, чтобы ударить гада, но не успеваю...

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.